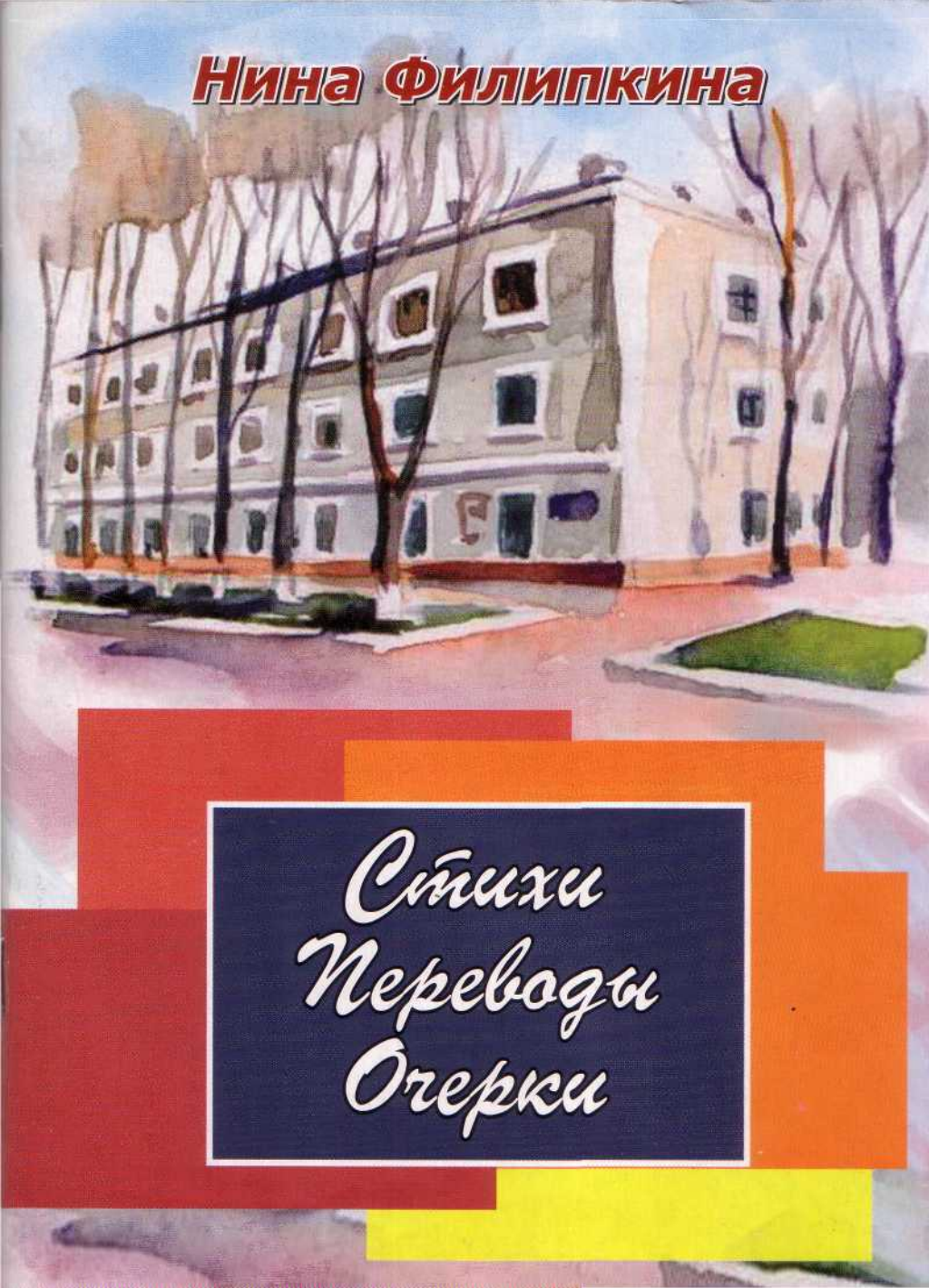

Нина Филипкина

*Стихи
Переводы
Очерки*

Нина Филипкина

**Стихи
Переводы
Очерки**

Саратов
2016г

**Злато-серебро Нины Филипкиной
(1928-2012)**

Составители:
Т.А. Ильина и В.И. Антонов

Есть в профессиональной журналистской среде такое мнение: мол, отличный журналист вполне может стать хорошим писателем, а вот замечательный писатель не факт, что вообще сможет работать журналистом. Хотите – верьте этому, хотите – нет, а примеры из жизни Бориса Пастернака и Василия Пескова вполне подкрепляют такой взгляд на проявления ремесла и таланта. Один – лауреат по сию пору «спорной» Нобелевской премии по литературе, присуждённой автору уже в солидном возрасте. Второй стал самым молодым лауреатом Ленинской премии в области литературы за сборник патриотичность и честность которого никто не сможет оспорить. И оба они – классики своей эпохи в своём жанре, а, вероятно, и более, чем эпохи...

А вот Нина Николаевна Филипкина сама создавала классиков в региональной, в национальной литературе, создавала в прозе и в поэзии, не «мерясь» талантом с ними, а отдавая все свои таланты им, как друзьям, коллегам, землякам...

Она родилась в 1928 году в Николаевске-на-Амуре. (Хотя иногда упоминала и Чныррах – посёлок в Николаевском районе Хабаровского края, недалеко от устья Амура, построенный как один из элементов Чныррахской (Николаевской) крепости, созданной для защиты устья Амура и Амурского лимана во время русско-турецкой (Крымской) войны 1853-1856 годов. Затем жила с родителями в Хабаровске, где и окончила школу. В Хабаровске её соседями по лестничной площадке семья командующего ОКДВО В.К. Блюхера, и Нина дружила с его дочерью...

Путь нашей героини в переводчики как будто не должен удивлять. В начале 1950-х она окончила отделение английского языка Хабаровского педагогического института и должна была стать учителем английского языка в какой-нибудь школе. Но окончание учёбы пришлось на войну 1950-1953 годов в Корее, когда СССР выступил на стороне Севера и приступил к отправке в эту страну военных специалистов. В том числе потребовались и военные переводчики, а девушки с иныа были тогда военнообязанными.

«Нас отправили в армию буквально весь курс. В таких обстоятельствах я и познавала разницу между английским литературным и американским военным, американским техническим», - рассказывала много лет спустя Нина Николаевна. – «Перехватывались радиопереговоры американцев и англичан, мы их переводили, а, набравшись опыта, стали и анализировать, что может стоять за простыми сообщениями тыловых служб. Например, если группе сержантов объявляют отпуск, то на участке Нв ближайшее время активных боевых действий явно не планируется».

И при этом жизненном опыте, по всему складу своему Нина Николаевна была человеком наименее подходящим для военной службы, для подчинения и обязательности. Компенсировался этот недостаток увлечённостью работой со словом. Она и будущего своего супруга Николая Филипкина сперва отметила за талант... дешифровщика: поражало, как за некими цифрами, набором чужих букв отыскиваются слова, связный текст...

А ещё наряду с «американским военным» юная Нина продолжала увлекаться классической английской поэзией в подлинниках, например, сама переводила стихами Бёрнса. Много позже она зачитывала молодым коллегам пару стихотворений из

тех опытов, вставляя в беседу, которая могла идти совсем не об Англии, говорила, что ей эти переводы и сейчас ей нравятся. Но диктофона, как назло, в такие моменты не оказывалось под рукой, да и не согласилась бы Нина Николаевна говорить на диктофон. Вот поговорить по душам – это да...

Она всё же некоторое время поработала учительницей в школе. (Об этом периоде у неё остались забавные и, порой, «солёные» рассказы). А потом попробовала силы в областной газете. Начало карьеры журналиста было феерическим: первый же очерк Н. Филипкиной опубликовали в популярнейшем журнале «Огонёк». Был он о молодой китаянке, которая по льду перешла Амур, чтобы... родить своего ребёнка в самой свободной и счастливой стране – Стране Советов!

Н. Филипкина стала блестящим очеркистом, и... всю жизнь избегала применять к своей профессиональной деятельности определение «журналист», хотя давно была членом Союза журналистов России.

«Я не журналист – журналистами были мои учителя. А я – газетчик», - говорила она. В 2004-м Нина Николаевна Филипкина в еженедельнике «ДиВох» опубликовала серию очерков, отразив в своей прозе биографии «литературных стариков» Биробиджана – уникального города на русском Дальнем Востоке, где собственная профессиональная литература зародилась на... еврейском языке идиш. В 1930-40-х годах XX века все работающие в Еврейской автономной области писатели и поэты были еврейского происхождения и писали на идише. В числе этих литераторов были и весьма маститые, известные в СССР и за рубежом, некоторые приезжали жить и работать в Биро-Биджан (ещё не Еврейскую автономную область) из-за границы – Польши, Палестины, Бразилии. Среда общения для журналиста с

собственными творческими наклонностями была идеальная. Нина Николаевна со многими из «литературных стариков» дружила, не смотря на солидную разницу в возрасте, потом стала переводить их прозу, стихи.

«В каждой своей строчке она любила людей, о которых писала», - сказала о ней редактор газеты «Биробиджанерштерн» Елена Сарашевская, где Н. Филипкина так же отработала немало лет. Как итог этих трудов, появились биографические очерки «Золотые перья Биробиджана». Они тоже собраны в этой небольшой книжке. Интересно, что в те же годы сама Нина Николаевна Филипкина стала лауреатом премии «Серебряное перо». Вот такое вышло злато-серебро...

К сожалению, до середины 1980-х в среде местных журналистов почему-то не было принято указывать автора перевода. Стихи в газетах публиковали часто. Областную газету «Биробиджанская звезда», например, коллеги из других регионов без тени иронии называли «дальневосточной «Литературной газетой». А вот по стихами, кроме имени автора писали лишь обезличенное: «Перевод с еврейского». И так продолжалось до середины 1980-х. Поэтому при подготовке этого сборника оказалось так непросто отыскать вещи, где авторство переводчика не вызывает сомнения. Но думаю, и они дают ясное представление о таланте Нины Филипкиной, ставшей для её литературных вкусах, о круге её друзей и немного об истории Страны Биро-Биджан – Еврейской автономной области на российском Дальнем Востоке.

Виктор АНТОНОВ,
член Союза журналистов России

ВЕТВЬ ГЕОРГИНА

Одно движенье ножниц - и упала
С моей листвы прохладная роса...
В хрустальной вазе я грущу устало,
Не веря ни в добро, ни в чудеса.
Совсем недавно у крыльца на даче
Воистину прекрасна я была,
А здесь увяну в одиноком плаче
Средь праздничного убранства стола.
Мои беззвучны и бессильны стоны -
Пришел конец душистому пути.
Не жаль себя - я хороню бутоны,
Которым в хрустале не расцвести...

ФРАНТ

Раскрасив кудри, словно ультра модница,
В контрастные оттенки и цвета,
Орех маньчжурский томно хорохорится
В шуршанье бабьелетнего листа.
А лист кружится невесомой птицей
И падает поблизости не зря -
Пусть фронт вздохнет над каждою страницей
Сентябрьского уже календаря.
Отсчетом дней усеяна аллея,
И не случайно здесь присели мы,
Чтоб помолчать друг с другом, сожалея
О близкой неизбежности зимы.

ДАЛЬНИЕ ГОЛОСА

Парк шуршит сухими листьями,
Рвет колючками чулки,
Сладкой ложью, поздней истиной
Дни осенние горьки.
Если ложь - то не забудется,
Если правда - глубже боль...
Месяц сердится и хмурится:
Разбирайся, мол, изволь...
В мае Ясному случается
Часто маяться без сна,
Ну а тут что получается:
Осень это? Иль... весна?
- Что решила ты, не знаю я?
Впрочем, это не беда.
На земле необитаемой
Побывали мы тогда.
Ветер листьями сыпучими
Утверждал небытие,
Вечер звездами колючими
Падал на сердце мое,
В небесах, как в темном омуте,
Билась месяца блесна...
Разберитесь тут попробуйте -
Осень это иль весна...

ПЕРЕВОДЫ С ИДИША

Исаак Бронфман МЫ ПЕРВЫЕ

Ничьи в долину не вели следы.
Доносит ветер рокот водопада.
Присядь со мною, говорить не надо,
Давай spoem под музыку воды.

Пусть нашу песню слушают цветы,
Девичий голос жадно ловят птицы,
Им у тебя полезно поучиться...
Никто здесь не был –
только я и ты.

Дрожат росинки на ресницах трав,
В них маленькие радуги играют.
Восторженно глаза твои сияют,
Всю красоту весны в себя вобрав,

Ты улыбнулась, словно кто позвал,
Меня, родная, это не тревожит:
Другой влюблённый звать
тебя не может –
До нас никто в долине не бывал.

Люба Вассерман МОЙ САД

Легко свой заступ погружая в жирной целине,
Рву корневища крепкие тайги сырой и дикой.
Земля ещё не тронута – и мягко веет мне
В лицо рассветом, влагой трав и молодой гвоздикой.
Родные песни с губ моих взвиваются высоко,
Хмелеет тело от земных животворящих соков.
Пусть зреет молодость, как зреет этот сад,
Пусть жизнь цветёт со всей моей страной...
Я знала детство горькое. Лишь оглянусь назад –
Дни странствий, нищеты и бед встают передо мною.
Тем краше ныне рост цветов в саду моём хороших,
В нём алый мак, и солнечные розы, и горошек.

Росла в нужде я. Колыбелью детскою моей
Корытце было. Мать меня под грудью усыпляла,
Но молоко своё пришлось продать барчонку ей.
А я сосала пальчик свой – изжёванный и вялый.

Тем зеленей теперь мой сад в таёжной колыбели,
Его плоды под солнцем нашей Родины созрели.
Во мраке бед шла мать моя. Несчастливая она
От слёз ослепла – не познав, что стала жизнь иною...
О, дорогая моя мать! Как ты была б поражена
Теперь увидев дочь свою в цвету со всей страной!
Счастливый день труда горит уже закатным светом.
Пусть ночь в саду несёт дозор до нового рассвета.

УЛИЦА ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

Полна неожиданностей твоя улица,
Хоть хожу я по ней каждый день...
Вчера ещё кран над домом сутулился,
А сегодня весёлая канитель
Новоселий.
Смех гулким эхом
летит по подъездам,
по всем этажам...
И на новом доме –
«Шолом-Алейхем» -
К общей радости горожан.
В тихом сквере пахнет
Цветами и вербами.
Я сию. Прибежали студентки две.
Им не знакома, я знаю,
наверное,
Древняя боль дочерей Тевье.
В душный век ты светло
и гордо
Так хотел им помочь
чем-нибудь...
Погляди, сегодня над
городом-
Не блуждающие звёзды –
Млечный путь!
А там, в чёрно-синем далёком
Космосе
Куда не дойдут и вовек
поезда,
Вспыхивает
фосфоресцирующим

компасом

Человеком сработанная
звезда!
Ты верил, что мечты твои
сбудутся ,
Ты верил людям, и жил ты
этим...
И дома, отстроенные на твоей
улице,
Новосёлов встречают:
«Шолом- Алейхем»!

Неба бездонное море
 Синей полно тишины.
 В быстром мальчишеском взоре
 Вижу сиянье весны.
 Когда улыбаются дети,
 Кажется всё веселей:
 Солнце приветливей светит,
 Листва зеленеет быстрее.
 В майском полуденном парке
 Много сегодня ребят.
 Сотни глазёнок их ярких
 Искрами счастья горят.
 Захвачена детским весельем
 И я в этот радостный час,
 Седины под солнцем весенним
 Наверно, растают сейчас.
 Мир! Это слово прекрасно.
 И думает каждая мать:
 Когда небо чисто и ясно,
 О чём ещё можно мечтать?...

Дом стоял на берегу Буга. Сомневаюсь, чтоб кто-нибудь назвал его просторным и красивым, но это был всё таки дом, не похожий на соседние тёмные землянки, в которых ютилась местечковая голытьба.

Жили в доме три семьи: дед Нафтоле со мной, слепая Бобл и её дочери да Ита-Лея по прозвищу Пекарка. Дом домом, но самым интересным местом в нём был чердак.

Каждая семья имела там свой уголок, где обычно сушилось бельё, складывалась всякая рухлядь, а главное – в самых потаённых местах хранились гнилкэлэх. Слепая Бобл торговала ими на базаре, беря по копейке за штуку. Конечно, больше всего гнилкэлэх было в её углу. Из-за этого, я думаю, старая Бобл не знала покоя: любой шорох на чердаке вызывал у неё тревогу. Ей постоянно казалось, что кто-то ворует фрукты. До синяков щипала она своих дочерей за то, что те внимательно следят за тайником.

А вот Ита-Лея держала гнилкэлэх специально для своей внучки. Её невестка была, видите ли, из образованной семьи и стыдилась свекрови, которая пекла и продавала в местечке хлеб. Но внучка приходила к Пекарке часто. Ита-Лея без памяти любила девочку, а девочка любила... гнилкэлэх. Я не помню её имени, мы звали Ита-Леину внучку «Доброе-утро-бабусенька». Гнилкэлэх – удивительно сладкие маленькие груши.

Правда, когда их рвут с дерева, они совсем невкусные – кислые и терпкие. Съешь – и такая во рту оскомина, словно ты жевал калину... Но зато когда их кладут на чердаке в сухое сено и держат там до половины зимы, они становятся мягкими, душистыми, сладкими...

Но мой уголок на чердаке был пуст, и я часто надоедала деду:
 – Дедушка, когда ты принесёшь гнилкэлэх?

И всегда он отвечал одно и то же:

– Вот пойдём в Тично... По дороге туда растёт дерево, а на нём много, очень много таких груш. Нарвём сколько захочется.

Путешествие в Тично стало моей заветной мечтой, а чудесное дерево снилось мне по ночам. Дед говорил, что оно растёт на земле пана помещика из деревни Рязанки, а помещика этого нужно остерегаться, потому что это настоящий изверг. Он запрещает рвать с дерева даже дикие плоды, но при каждом удобном случае люди их

всё-таки рвут...

Мой дед жил тем, что ходил по деревням, продавал крестьянам своё изобретение – шмаревидло. Это такая колесная мазь, состоящая из смеси дёгтя с золой. То, что золой, я хорошо знала, потому что дед часто посылал меня к соседям выгребать в печках поддувала. Зола он каким-то искусным образом перемешивал с дёгтем и получал это самое шмаревидло. За колёсную мазь крестьяне окрестных сёл просто боготворили деда. Взамен он получал крупу, просо, овощи – всего понемножку. Иногда даже мёд. Для каждого продукта у деда был отдельный мешочек, причём определённого цвета: для муки – белый, для пшена – красный, для проса – зелёный. И он никогда их не путал. Шмаревидло Нафтоле делал в деревянном ведре. Несли мы его вдвоём на тоненькой берёзовой палке. Помню, было на ней восемь сучков. Мне дед отмерял шесть, а себе – два, так что вся тяжесть доставалась, конечно, ему. Дед жалел меня – была я тогда совсем маленькой, а ведро – очень большое. Даже при таком распределении тяжести у меня потом мучительно болели плечи. В местечке говорили, что до Тично, куда мы наконец отправились, было восемнадцать вёрст. Только кто их считал – неизвестно... По крайней мере, на протяжении всего утомительного сухого шляха не было ни одного указателя. По обеим сторонам – поля пана из Рязанки. Вблизи – ни леса, ни кустов. Одно лишь дерево стоит, будто всем на удивление. Старое, ветвистое, с густыми тёмно-зелёными ветвями.

Бросив палку, я устремилась было к нему, но дед удержал меня: – Не стоит сейчас задерживаться, скоро начнётся солнцепёк, трудно станет идти. И зачем нам нести в деревню лишний груз? Соберём груши на обратном пути. Понимая, что дед прав, я бросила на дерево печальный взгляд и снова зашагала по пыльной дороге. Но мысль о том, что я скоро, очень скоро вернусь сюда, меня развеселила. Я стала подпевать деду, как всегда мурлыкавшему свой любимый единственный мотив. Станный мотив: временами от него становилось грустно, а порой весело...

В село мы пришли после полудня. С деда градом лил пот, а я едва передвигала ноги. Взяв ведро со шмаревидлом и мерку, дед пошёл по домам один – он видел, что больше двигаться мне не под силу. Я осталась на стоге сена во дворе крестьянина Владека, очень доброго, давно знакомого деду человека, который угостил меня простоквашей. Я поела и моментально уснула. Проснулась я поздно вечером. Деда ещё не было. Наверное, меня разбудил голод. Над

головой сияло звёздами чёрное небо. Уставшей и голодной, мне казалось, что всё оно усеяно желанными плодами – гнилкэлэх.

Дед пришёл ночью. Достал из-за пазухи кусочек хлеба и пару груш. Но они были ещё зелёными. Перекусив, я снова уснула.

Разбудил меня дед на рассвете:

– Гитэлэ, маленькая, проснись. Пора в дорогу.

Протерев заспанные глаза, я осмотрелась. Какие удивительно разные половинки неба! Одна тёмно-синяя, как сама ночь, а другая озарена таким разнообразием красок, что описать их просто невозможно. Подобное чудо может соткать разве что одна заря. А зыбь на Буге, озарённая первыми лучами солнца! Казалось, что по реке плывут кусочки расплавленного золота. Цветы только-только раскрыли свои ротики-бутоны, на каждой травинке дрожала роса.

Рассвет. Тихо-тихо и так красиво, что сердце замирает от восторга.

Между тем дед уже собрал в дорогу свои кульки. Мне отобрал мягкие продукты – муку, крупу, а овощи и картофель взял себе. Всё это он сложил в мешок, перевязал его на две части и перекинул через плечо.

Красивый человек был мой дед! Высокий, широкоплечий и, как обычно сильные люди, – добрый и весёлый. Любую невзгоду переносил с шутками. А уж как я его любила! Это и не удивительно, ведь кроме него у меня на всём свете никого больше не было.

Запели первые петухи, когда мы вышли из деревни. По тёмно-зелёной глади реки плыли крохотные пушистые уточки. А на берегу одиноко суетилась курица. Она сразу же привлекла моё внимание. Мягкий ветерок развевал её редкие рыжие перья. Она испуганно бегала по берегу и, казалось, вся так и рвалась к беззаботным довольным утятам.

Куриное сердце матери-наседки было, как видно, полно отчаяния.

– Дедушка, курицы умеют плакать?

– Нет. Курицы – нет.

Но всё же я осталась убеждённой, что в это необычное утро жалкая рыжая курица всё-таки плакала. Плакала!.. Мы шли вдоль берега реки. Влажная от росы земля приятно холодила ноги, и я бы радовалась этому, если бы не тяжёлая ноша, которая тянула вниз мои плечи. Свежестью и прохладой веяло с реки, но скоро мы устали. Дед частенько перекладывал свой мешок с плеча на плечо – твёрдые овощи давили грудь и спину. Я, наконец, не выдержала и сказала:

– Дедушка, давай меняться мешками. Я ведь уже большая...

Дед остановился, посмотрел на меня и ласково засмеялся:

– Скоро, Гитэлэ, и дерево наше покажется.

Эти слова сразу придали мне силы. Дерево было ещё далеко, но я уже видела его, чувствовала. Мечта сбывается! Я нарву столько груш, сколько душе угодно. Дома на чердаке у меня уже готов уголок, тёплый и чистый, со свежим душистым сеном.

Бредя по дороге, я мечтала и мечтала. В праздник, когда дед не пойдёт в деревню, мы будем с ним играть. В один кулак я зажму гнилкэлэ, а другой, в котором ничего нет, нарочно сделаю больше и протяну их деду.

– В какой руке?

Старый Нафтоле с притворной серьёзностью задумается, нахмутив густые брови, и, конечно, укажет на пустой кулак. Потом мы сыграем в «отгадалки» ещё и ещё, а когда я выиграю много груш, устроим настоящий пир. Мечтая об этом, я не чувствовала ни тяжести, ни зноя.

Но вот и оно, заветное дерево. Старое, тёмно-зелёное. Трудно подавить восторг при виде гнущихся от плодов ветвей. Дед предложил было сначала отдохнуть, но я и слушать об этом не хотела. Я вся была поглощена одной целью, одним стремлением – скорее принести груши домой, в свой уголок на чердаке и рассказать об этом всем соседям.

Видя моё нетерпение, дед достал специальный мешочек, который дома заранее выстирал, а я уже залезла на дерево. Забралась на самую вершину – там плоды были крупнее. Сквозь густую листву мельком глянула на простирающиеся внизу поля пана из Рязанки. С высоты они казались совсем иными, и всё же их живописный вид не задержал тогда моего внимания. В порыве радости я изо всех сил принялась трясти самую высокую и тяжёлую ветку, и груши градом посыпались на землю. А я всё трясла и трясла.

– Гитэлэ, хватит. Я не успею собрать, – услышала я голос деда.

Сквозь листву его не было видно, но голос, знакомый и милый, словно мелодия, которую дед любил напевать, переполнил моё сердце любовью.

– Дедушка, дорогой дедушка! – крикнула было я и вдруг расплакалась.

А груши все сыпались и сыпались с ветвей... Не помню, когда я услышала стук лошадиных копыт, который становился всё громче и громче, но что мне было тогда до каких-то звуков!

Я сидела на заветном дереве и дорвалась, наконец, до чудесных плодов. И вдруг, как во сне, до слуха донёсся изменившийся

дрогнувший голос деда. Нет, он говорил не со мной:

– Доброе утро, пане!

Эти слова заставили меня вздрогнуть. Неужели помещик из Рязанки? Я прижалась к ветке, как перепуганная птица. Сквозь ветви встретила взгляд пана, острый, как бритва, колючий, как крапива. А дед? Как собирал он груши, так и остался стоять на четвереньках, молча смотря на пана.

– Дедушка!

Услышав мой голос, пан снова глянул вверх, усмехнулся и, сняв с плеча охотничье ружьё, прицелился. Я ещё плотней прижалась к ветке, а дед вдруг вскочил и встал против пана во весь свой могучий рост.

– Пан хозяин, убейте лучше меня, старика. Она – ребёнок, руглая сирота...

Раздался резкий хохот и злобное шипенье:

– Что, испугался, паршивец? Будешь ещё воровать на панской земле? Получай!

Тишину нарушил свист кожаного плетёного арапника.

Свист, который я запомнила на всю жизнь. Потом вновь топот копыт.

Когда я слезла с дерева, вдали клубилось облако пыли – пан продолжал объезд своих владений. А в тени дерева лежал мой дед, запрокинув голову. Его седая борода клином смотрела в небо, а глаза из-под густых бровей – на меня, словно хотели, но не могли что-то сказать. С высокого морщинистого лба струйками стекала кровь, а в ладони откинутой руки так и остались лежать груши, которые старый Нефтоле собирал для меня. Я прижалась ухом к его груди. Сердце билось слабо-слабо, вместе с лёгким дыханием вырывался хрип. Как он меня испугал! Я стала кричать, звать на помощь, но местность была пустынной, мои отчаянные вопли эхо относило далеко на владения пана.

Дед Нафтоле, мой единственный, самый дорогой, продолжал лежать молча, как сражённый великан. А вокруг него на земле валялись растоптанные копытами зелёные гнилкэлэ – заветная мечта моего детства.

ДЕРЕВО

Саженец юный, ломкий,
Листочек салатový, тонкий,
Ветвь - паутинки слабей...
Порхает над ней воробей.
Уселся, но вдруг испугался:
Насест бы не поломался...
А саженец в мире зелёном
Растёт и становится клёном.

Макс Риант
РАЗДУМЬЕ

Биробиджан мне снится по ночам,
Виденьем проступает через тьму.
Походкой лёгкой проходил я там,
Вдоль тихих улиц к дому своему.
О дамбу билась гордая Бира,
К востоку зыбь гоня издалека,
Пусть пойма комариная сыра,
Но как прохладна чистая река!
Я с нею не расстался б никогда,
Но жизнь идёт с желанием вразрез:
Осилил горе – подошла беда,
Прошёл по кочкам, за болотом - лес...
Уехал я, но мыслями - в краю,
Который никогда не предавал,
Который сердцем и умом люблю,
Жалею только – мало воспевал.
Идут года, на закат склонён,
Увы, отсчёт земного бытия.
Недосчитался многих уж имён
Среди друзей биробиджанских я.
Я помню всех, кто говорил на идиш,
Когда костёр на площади пылал,
Лишь в страшном сне теперь уже
увидишь,
Как пепел книг по улицам летал...
Всё пережил мой город терпеливо,
Прошёл ГУЛАГ, познал цензуры цепь.
Ну а Бира по-прежнему красива,

Кудрявы сопки и привольна степь.
Раз так, то в нынешней нелепой смуте
Отыщется людей достойный путь:
Не растолочь народа разум в ступе,
Как вспять Биру мою не повернуть.
За что, не знаю, только постоянно
Я у неё прощения прошу...
Не потому ли из Узбекистана
На мамэ-лошн письма я пишу?

Дора Хайкина
ПАМЯТИ БУЗИ МИЛЛЕРА

Порою мне кажется, что наяву
Брожу я в раздумье по улице,
Где в сумерках прячется ветер в траву
И тени деревьев сутулятся.
В омуте неба - месяц-блесна,
Биры ощутимо дыхание.
Когда-то гуляла тут наша весна,
А ныне - воспоминания...
Ах, Бузи, мой добрый товарищ и брат,
Ты наконец богат!
Письменный стол одинок, как вдовец,
Лампа огнём не согрета.
Но множество юных и добрых сердец
Запомнили улицу эту.
Видишь, ступени подъезда сейчас
Двоим - наподобие трона.
Минутой им кажется вечера час.
Как всё это нам знакомо!
Ах, Бузи, мой старый товарищ и брат,
Воистину ты богат!
Письма летят, словно птиц караван,
Манит их берег зелёный.
«Улица Миллера. Биробиджан.» -
Адрес до боли знакомый.
И всё же не улица главное, нет -
Наследство твоё щедрее:

Оставил ты мудрого слова след
В памяти доброй евреев.
Ах, Бузи, мой милый товарищ и брат,
Как ты теперь богат!
Порою мне кажется, что наяву
Брожу я в раздумье по улице,
Где в сумерках прячется ветер в траву
И тени деревьев сутулятся...

Исраэль Эмиот
САЖЕНЦЫ

Сторожем саженцев стал я весною,
Ветер и тот их жалеет – не треплет.
Чувствуешь, к ним прикасаясь рукою,
Нежных листочков ласковый трепет?
В шёлке зари, как счастливые дети,
Утром деревца с мечтою проснулись.
Я берегу их, чтоб веточки эти
К солнцу всё выше и выше тянулись.
Чтобы листва под дождями свежела,
В зеркало лужицы ветки глядели,
Чтоб перед сном их зелёное тело
Ветер качал в ветряной колыбели.
Шелестом тихо трепещущих листьев
Саженцы вместе со мною мечтают.
И, становясь веселей и ветвистей,
Мир изумрудной листвой украшают.
Сторожем саженцев стал я весною,
Там, возле них, ты встречайся со мною.

Золотые перья Биробиджана
Очерки о литераторах Биробиджана

ДОН КИХОТ ПО ИМЕНИ ВОЛОДЯ

Впервые о Владимире Шульмане мне рассказала Люба Вассерман, имя которой так или иначе связано с судьбой каждого литератора нашей области, а позже многолетнее знакомство сблизило меня с Евгенией Фаликовой, вдовой поэта, которая показала мне письма и телеграммы, фотографии и документы, оставшиеся от его недолгой, но яркой жизни.

Сокурсники по Московскому коммунистическому университету звали его между собой Дон Кихотом. Наверное, за оригинальные и благородные поступки. Взял, например, и неожиданно для всех уехал из столицы в неведомый Биробиджан, хотя парня с нетерпением ждали родичи в Белоруссии. А потом в дальневосточных газетах стали печататься стихи и очерки Володи, поражающие читателей четкостью мысли, свежими поэтическими образами. Не оставил без внимания эти работы и маститый еврейский писатель Давид Бергельсон, предсказав юноше незаурядное творческое будущее. Однажды как штатный сотрудник облученской газеты "Стальной путь" Владимир познакомился в Бираканском мраморном карьере с Любой Вассерман, известной уже в области и крае поэтессой. Люба удивилась, когда начинающий журналист уверенно сказал: "Наш камень еще заблестит в московском метро". Теперь-то мы знаем, что так оно и вышло.

Вот что написал в те далекие дни о юном коллеге Борис Миллер: "Худощавый парень выше среднего роста, с вдумчивым взглядом черных глаз, устремленных сквозь очки на собеседника, - таким мне запомнился Владимир".

Как истинный Дон Кихот, Володя, конечно же, нашел свою Дульсинею - судьбу. Женя училась в педтехникуме - так называлось

до войны будущее Биробиджанское педагогическое училище. Девушке не было и восемнадцати, а Володя едва распрощался со вторым десятилетием. Он уехал из Облучья, устроился на работу в "Биробиджанерштерн" и женился. Шульману дали небольшую квартирку в деревянном доме напротив вокзала. В свободное время Владимир постоянно навещал Любовь Шамовну, представляя на ее суд свои литературные работы. Женя, не ведая о возрасте Любы, обижалась, когда молодой муж, едва придя с работы, объявлял: "Сбегаю к Любе, она меня ждет". А что до стихов, то Жене и самой они очень нравились. Хотя бы вот это:

Облака бегут по сопкам,
С неба сонный снег валит..
В центре тихого поселка
Домик маленький стоит.
Тускло светит лампа в доме
И в печи дрова трещат.
Подперев щеку ладонью,
Паренек глядит в тетрадь.
Над Бирою зла пороша,
Но добры людей дела -
В этом домике хорошем
Школа первая была...

Жаль, не сохранился на улице Советской этот своеобразный памятник первостроителям города.

Да, не зря Володю Шульмана звали Дон Кихотом. Только воевать ему пришлось не с мифическими мельницами, а с реальным и жестоким врагом - фашизмом.

В мае сорок первого пылал багульник на сопке, но Жене, уже матери двоих сыновей (Аркаше - два годика, Фиме - второй месяц), некому было дарить букеты. Володя служил в армии, а едва отцвел

ландыш, началась война.

- В начале июля он уезжал на фронт, - рассказывала мне Евгения Фаликовна. - Когда эшелон остановился в Биробиджане, заскочил домой - минутное дело от вокзала. Взял из кровати Фиму, поцеловал. Несколько раз сказал мне: "Жди, Женя, жди...". Потом хлопнула дверь... Вот и все...

Так из юной жены в неповторимую весну жизни стала Женя Шульман молодой солдаткой с двумя малышами на руках. И, как все солдатки тех лет, жила ожиданиями. Казалось, из другого мира приходили к ней необычные письма-треугольники со штампом полевой почты - осколки трепетного сердца воина, наполненные гневом, болью, тоской и надеждой:

"29 мая 1943 года. События летят, как вода в Бире. У меня новый адрес, а работа все та же: мы бьем фашистов. Милая моя жена, скоро мы освободим Украину. Гарантия тому - шквал огня, летящий на голову врагу. И это только начало".

Я не решаюсь предать гласности слова любви, обращенные к жене и детям, - пусть они останутся в сердцах тех, кому были адресованы. Но одно четверостишие... Оно словно сгусток чувств, обуревавших солдата вдали от дома:

Я вернусь влюбленный,
как Есенин,
И увижу: сквозь туман и дождь
Ты ко мне по улице осенней
Как весна и музыка идешь...

В редакцию "БШ" Володя отправлял фронтовые очерки. Один из них был посвящен подвигу биробиджанца Вольфа Римского - бывшего столяра артели "Деталь", который в боях за Сталинград,

израсходовав все снаряды бронбойного орудия, бросился с гранатами под вражеский танк. В публикациях В. Шульмана перед мысленным взором читателей как живые вставали герои-артиллеристы из расчета Андрея Щербакова, бойцы интернационального взвода гвардии лейтенанта Джимбалидзе, друзья-бронбойщики - таджик Саид Джанлиев и наш земляк Яша Кац, отбившие у фашистов машину с боеприпасами и после тяжелых ранений продолжавшие бой.

Биробиджанцы ждали от Володи все новых и новых материалов, а это время фронтовая газета писала: "Смелость и солдатскую смекалку проявляет группа автоматчиков во главе с гвардии лейтенантом Владимиром Шульманом". Сам же он о себе сообщал скупко: "Дорогие друзья, полтора года хожу дорогами войны. Дрался в Ростове, Сталинграде, два раза ранен. Посылаю фронтовые записки. Гонорар, как всегда, жене".

Он погиб на 25-м году жизни. Женя долго не верила похоронке, но однажды очевидец детально описал ей обстоятельства рокового боя, назвав точное место захоронения офицера - село Елизарово Солянинского района Днепропетровской области, прислал снимок: на обелиске среди других фамилий высечено имя журналиста из Биробиджана...

...В их совместной жизни была только весна. А в разлуке, оказавшейся вечной, каждый шел своим нелегким путем, и юность отступала под натиском войны, невзгод и работы. Женя достойно воспитала сыновей. Аркадий - врач, Ефим - инженер. Она ушла из жизни с сознанием исполненного долга.

В конце сороковых годов ушедшего века на улицах нашего города весьма часто можно было встретить этого мужчину – среднего роста, худощавого, с грустным взглядом и смущённой улыбкой. С неизменным портфельчиком он заходил в подъезды двухэтажек. Где его встречали тощие кошки и застоявшийся запах неблагоустроенного жилья. Двери квартир чаще всего бывали беспечно открытыми, а домохозяйки здоровались со скромным визитёром как с давним знакомым...

- Борис Эльевич! Вы, слава богу, на ногах и при деле. Располагайтесь за столом – здесь будет удобно писать. Фира, выйди на кухню – наш агент пришёл.

И Фира (Маня, Бетя, Песя) выходила, причём всегда с подходящим для времени года угощением: кусочком фаршированной рыбы, штруделем, свежим соленьем, а то и тарелкой бульона с манделэх. Завязывался разговор о том, о сём. Гость обладал редкой способностью терпеливо и заинтересованно слушать собеседниц, и женщины говорили охотно.

Агент по сбору платы за пользование радиоточкой – была такая должность на молодом радиовещании. Но биробиджанцы и не подозревали, что, принимая квитанции из рук симпатичного служащего. Общались с признанным в общественных кругах страны еврейским писателем, две повести которого – «Реет красное знамя», «В освобождённой Волыни» – пользовались немалым спросом у книголюбителей южных республик. А в ящике книжного стола «агента» пухла рукопись романа «Рио-де-Жанейро». Не подозревали они и о том, что в замыслах прозаика сами становились прообразами героев и героинь будущих его рассказов и очерков.

К тому времени Борис Эльевич Бородинный носил уже звучное литературное имя Сальвадор Боржес. Откуда у советского писателя такой псевдоним?

Бедный еврей Эля из украинского местечка Рожины по совету глубокопочтимого им раввина дал своему третьему ребёнку редкое имя Бетцалел. Но уже в детстве для простоты общения мальчика звали просто Борей. Родился он на заре двадцатого века и вместе с мятежным столетием прошёл многие вёрсты опасных дорог. К берегам Биры приехал в зрелом возрасте, но жил здесь до последнего дня. Что позволяет называть Боржеса-Бородинного биробиджанским писателем. Хотя раннее творчество этого незаурядного человека было отдано Рот Фронту.

Я познакомилась с ним в середине пятидесятых у Любы Вассерман, дом которой был поистине штаб-квартирой биробиджанской интеллигенции. Сама поэтесса только что вернулась из мест не столь отдалённых, где безвинно мучилась в заключении вместе с Бузи Миллером, Наумом Фридманом. Исраэлем Эмиотом и другими «космополитами» из биробиджанской литературной среды. Боржес по совету Любы дал мне подстрочник рассказа «Баба Рива» для перевода на русский. Коротко рассказал о себе, подробности же необычной жизни Бориса Эльевича поведали мне его друзья, а спустя много лет и его дочь Валерия Борисовна Коган, ветеран педагогического труда, проживающая и сейчас в Биробиджане.

Потеряв в детстве родителей, Бетцалел очень бедствовал. Особенно с началом империалистической войны. Попав в группу перемещённых лиц, он очутился в Бразилии, где его ошеломила великолепная природа и контрасты жизни: нищета негров, метисов, переселенцев на фоне сказочного богатства финансовых и политических воротил. Юноша познакомился с коммунистами. Занялся самообразованием и вступил в МОПР (Международная организация помощи рабочим). Его вовлекли в революционную борьбу и сотрудничество в пролетарских изданиях, преследуемых охранкой. Тогда-то в целях конспирации Бетцалел и взял себе псевдоним Сальвадор Боржес. От простых воззваний талантливый рабкор перешёл к публицистике, а потом задумал сюжет романа о судьбах бразильских бедняков и бойцов Красного Фронта. По

поручению МОПРа он стал ездить в командировки по Советскому Союзу, где и собрал материал для первых повестей. Когда до молодого человека дошла весть о строительстве Еврейской автономии на Дальнем Востоке, о смелых «искателях счастья», он безоговорочно решил ехать в таёжный край, тем более, что в 1928 году Боржес, как неблагонадёжный, был выслан из Бразилии. Впрочем, у него была возможность хорошо устроиться в Харькове или Минске. Однако до отъезда на Восток в биографии Бетцалела произошли весьма важные события.

По дороге в СССР Борис Эльевич остановился в Берлине, где сблизился с выдающимися деятелями международного коммунистического движения - Вильгельмом Пиком, Иоганесом Бехером, Людвигом Ренном, которые горячо одобрили его публикации в польской газете «Фольксштиме» и автобиографическое повествование «Без крыши над головой». Не удивительно, что Сальвадор Боржес оказался в числе делегатов Второго Всемирного Конгресса пролетарских писателей в Харькове. В поезде «Берлин - Москва» он познакомился с другими участниками Конгресса: немецкой писательницей Анной Зегерс, знаменитым Луи Арагоном и американцем Майклом Голдом, автором известного романа «Евреи без денег».

Поездка в Харьков явилась переломом в личной судьбе Бориса Эльевича - он встретился с сельской учительницей Дорой Григорьевной, красивой эрудированной женщиной, знающей несколько иностранных языков. Дора поддержала намерение писателя навсегда остаться в СССР. В 1935 году молодожёны приехали в Биробиджан, где поселились в одном из бараков на улице Калинина. Боржес стал сотрудничать в «Биробиджанерштерн». Дора Григорьевна устроилась в библиотеку. Продолжалась вдохновенная работа писателя над романом. Однако менее чем через два года Борис Эльевич был арестован. Да, убеждённый коммунист, антифашист, друг Анны Зегерс и Иоганеса Бехера, провёл в одном из лагерей ГУЛАГа долгие месяцы. Вернулся оттуда больной, с сердечной астмой, спазмами

головного мозга, изматывающей бессонницей. Другим журналистам удалось отправить его на курорт, выхлопотать квартиру в доме писателей - было такое здание недалеко от хлебозавода. Борис Эльевич приободрился, с новыми силами работал над циклом рассказов и, конечно же, над романом, печатался в «Форпосте» и «Эйникайт». Его новелла «Начало» была опубликована в сборнике «Нейтивленд» на английском языке. Писатель воспевал трудовой энтузиазм еврейских переселенцев - строителей области. Особенно много Боржес трудился во время войны с фашистами.

А в 1949 году страну захлестнула новая волна репрессий, когда были арестованы лучшие еврейские литераторы страны и, разумеется, Биробиджана. На этот раз, однако, причислив Бориса Бородинного к космополитам, его всё же оставили на свободе, но «без права публиковаться даже в периодических изданиях». Вот тогда-то Борис Эльевич с трудом устроился в радиокомитет агентом по сбору абонентской платы. В те грустные годы жизнь его семьи скрашивала тёплая дружба с четой Тенцеров - Борисом Соломоновичем и Марией Борисовной - весьма уважаемыми в городе медиками. Вместе они навещали Анну Абрамовну Миллер и Михаила Абрамовича Бенгельсдорфа (мужа Любы Вассерман), помогали им чем могли, подбадривали. В домашней библиотеке Тенцеров я видела несколько книг Сальвадора Боржеса с дарственными надписями. На закате жизни Борис Соломонович Тенцер удостоился звания почётного гражданина ЕАО.

После 1956 года амнистированным еврейским поэтам и писателям вновь открыли дорогу в печатные издания. Но к тому времени Борис Эльевич был уже тяжело болен и душевно подавлен, хотя и не прерывал работы над «Рио- де - Жанейро», романом, издание которого занимало все его помыслы, подобно голубой мечте жизни. На идише удалось опубликовать лишь небольшие отрывки из этого многопланового произведения.

Сальвадор Боржес. Невелико реальное наследие мастера еврейского слова, но в этом нельзя упрекнуть самого прозаика.

Трудился он без устали, не считаясь с пошатнувшимся по известным причинам здоровьем. Не суждено было ему обрести своего переводчика – знание идиш в те времена считалось весьма опасным, и только малая часть произведений Сальвадора Боржеса дошла до русскоязычного читателя: небольшие новеллы да биробиджанские очерки.

Литератор умер в 1974 году, почти не питая надежды, что «Рио-де-Жанейро» когда-либо выйдет в свет. А рукопись всё ещё хранится у Валерии Борисовны, упорно дожидаясь любознательного и талантливого переводчика, не утратившего или познавшего чувство самобытного языка, который столь долго и нежно назывался мамэ-лошн...

ИЗ ПЕКЛА БОЯ – В БАЛЬЗАМ ПОЭЗИИ

Человек с неприметной внешностью мастерового и глубоко поэтическим восприятием мира - именно таким мне запомнился Исаак Львович Бронфман, которого в кругу близких звали кратко и ласково – Ицик.

Он родился поэтом, потому что просто не мог им стать в круговерти судьбы, уготовившей ему сиротское детство, тяжкий труд в краю тайги и болот, а затем - огненные вёрсты страшной войны. «Не ласкало меня время, не щадило», - напишет Исаак о себе уже в преклонном возрасте...

Очень немногие читали Бронфмана в подлиннике, потому что писал он на идише, но лучшие стихотворцы страны почитали за честь работать над дословными переводами (подстрочниками) самобытного поэта. Римма Казакова, Степан Смоляков, Михаил Асламов доносили лирику скромного биробиджанца до широкого читателя. И уж, конечно, Ицик не мог не рассчитывать на творческое содружество с менее именитыми, но зато более близкими ему журналистами областных газет. Виктор Соломатов, Леонид Школьник, Роальд Добровенский, переводя стихи Бронфмана на русский, неизменно сохраняли особенности его творчества – сочетание философского ощущения бытия с задушевыми интонациями. А надо сказать, что был Исаак к переводчикам очень взыскателен:

*Спой, как я.
И радость, и улыбки
И печаль мою испей до дна.
Пусть различны будут наши скрипки,
Но звучит мелодия одна.*

Притягательная сила стихов Исаака Львовича – в их жизненной

достоверности. Доброта, милосердие, интернационализм – главные темы в творчестве поэта. Стихотворение «Птенцы» начинается, кажется, с малого: «Пальнул мальчишка из рогатки». Автор не оплакивает погибшую пичугу, не сетует на детскую жестокость – он потрясён случившимся:

*Нет, дело тут не в сантиментах –
Такая боль меня прожгла,
Как будто пуля в сантиметре
От сердца моего прошла.*

Поэт работал над стихами долго и выносил их на суд читателей не сразу. Рукописи, бывало, месяцами валялись в ящиках его редакционного стола. Заведуя отделом промышленности в «Биробиджанерштерн», он с трудом отрывался от газетной текучки, чтобы поразмышлять над черновиками стихов. Так было и со стихотворением «Мы первые». Ицик должен был отдать его Роальду Добровенскому, который в конце пятидесятых служил в биробиджанском гарнизоне, но солдата отправили на учения, и Ицик попросил меня «покумекать над переводом», поскольку на тогдашнем «переводческом безрыбье» я выдала в свет кое-что из произведений Любы Вассерман и Израэля Эмиота. Кумекала я старательно – дилетант всё-таки. Но неожиданно Исааку Львовичу перевод понравился и вошёл потом во все его сборники:

*Ничьи в долину не вели следы.
Доносит ветер рокот водопада...
Присядь со мною, говорить не надо,
Давай споем под музыку воды.*

Да, случались у Ицика всплески любовной лирики, но всё же главной темой поэтического творчества Бронфмана оставалась война. Он писал о ней неброско, достоверно, часто с юмором. На фронте он был танкистом, заместителем командира полка по

технической части, а короче – зампотехом, и в стихах увлечённо рассказывал о замечательных своих однополчанах и только через их образы – о себе. В этом плане очень характерно стихотворение «Экипаж». Читатель зримо представляет себе командира полка Голованова, кубанского казака, Яшу Риммера – портного из Одессы, механика-водителя сибиряка Саню Антонова, связиста Ваню Страха, книгочеха и мудреца. А что за прелесть стихотворение «Исправленная отметка», написанное, по-моему, на одном дыхании, с доброй улыбкой!. В освобождённом Будапеште припомнил автор курьёзный случай в школе, когда он не мог найти этот город на карте, и старый строгий учитель географии поставил ему «единицу»:

*Мой дружок, механик-сибиряк,
Помню, мне тогда сказал с улыбкой:
«Ты, земляк, не убивайся шибко,
Ты теперь в отличниках, земляк:*

*Не на карте, а в святом бою
Ты нашёл венгерскую столицу.
Дома в школу загляни свою –
Пусть старик исправит «единицу»...*

В тридцатых годах Бронфман жил и работал в Приамурье. Корчевал тайгу, был сельским механизатором, слесарил в депо. Не будучи певцом дальневосточной экзотики, он часто размышлял в стихах о единстве человека и природы: «Со мною нынче говорил подснежник», 2 Море-море, чего тебе хочется?» Ицик искренне любил Бирбиджан, область. Хрестоматийным стало его стихотворение «Улица имени Шолом-Алейхема» (перевод Виктора Соломатова) Людям будничного подвига посвящены «Машинист», «Теплоозёрцы», «В родном селе». Но всё же мне хочется вернуться к тем его стихам, в которых поэт раскрывает чудодейственную силу добрых человеческих чувств и помыслов. Венцом этого мотива

является «Доброе слово» - своеобразное этическое кредо автора. Он утверждает, что к убитому горем человеку надо подходить не с валидолом – достаточно сердечного слова, но:

*Оно должно быть добрым, как цветы
На день рожденья, как в походе фляга,
Прозрачной родниковой чистоты
И честным, как военная присяга.*

К сожалению, в житейской суете это доброе слово нередко обходило стороной самого Исаака Львовича. Не потому ли в одном из последних стихов он говорит о себе не в ироничном, как обычно, тоне:

*С годами я в недугах одинок,
И жёлтая метель шуршит у самых ног.*

Последний раз я разговаривала с ним в хабаровском парке, после очередного семинара журналистов. Как всегда, небрежно одет, курит дешёвые сигареты и говорит словно бы про себя:

- Хецхир. Я думаю о цвете этих сопок за Амуром. Тёмно-голубой? Матово-синий?

Морщит лоб, щурится и вдруг расцветает в улыбке:

- Цвет спелой голубицы на кусте!

Такие вот непритязательные, но точные сравнения или неожиданные по своей простоте метафоры были присущи перу поэта.

Жёлтая метель... Но отшуршал и последний листопад. Ичик не дотянул до шестидесяти пяти, а в прошлом году мы бы отметили его девяностолетие. Однако в мире есть справедливость – талант продолжает жить, даже если его владелец покинул пределы земного бытия. Невольно вспоминается эпитафия Леонида Школьника:

*Он до сих пор со мной, солдат и человек,
Которого война ломала, не сломала,
Весёлый человек, которому вовек
И ласки, и любви – увы – не доставало.*

*Давно его стихи на память знаю я,
Я знаю суть его и горечи, и смеха.
Среди знакомых лиц, средь ваших лиц, друзья,
Мне так недостаёт улыбки зампотеха...*

Напротив здания, где размещается сейчас редакция «Биробиджанской недели», стоит потемневшая трёхэтажка хрущёвских времён, на восточной стороне которой укреплена мемориальная доска с барельефом немолодой уже женщины. Надпись гласит: «В этом доме жила поэтесса Любовь Шамовна Вассерман». Можно было бы добавить, что необычную судьбу, муки и радость творчества знатной биробиджанки делил с ней муж Михаил Абрамович Бенгельсдорф, замечательный артист и режиссёр еврейского народного театра в нашем городе. И ещё можно было бы подчеркнуть, что Л.Ш. Вассерман была автором не только стихотворений. Но и талантливых очерков о первостроителях автономии, а также многих познавательных автобиографических рассказов.

В историю литературной жизни Биробиджана вместе с другими мэтрами еврейского пера она вошла с именем Люба. С ним и осталась в памяти всех, кто знал её, чтит и помнит до сегодняшнего дня.

Люба Вассерман — самобытная художница слова, мудрая и по-настоящему интеллигентная женщина, если считать за факт, что интеллигентность не зависит ни от социального происхождения, ни даже от формального образовательного ценза. Несмотря на тяжкие испытания судьбы, Люба до конца дней сохранила чистоту и естественность обращения к людям, а также веру в конечную победу добра на Земле.

Я познакомилась с ней, когда в переулке Театральном не было не только мемориальной доски с Любиным барельефом, но и самого дома. Здесь простирался пустырь, устланный отходами лесозавода — рабочей зоны бывших "зеков". Необычными оказались обстоятельства нашей первой встречи. Злобный вихрь репрессий 40-50-х годов забросил в Биробиджан после северных лагерей

поэта-эмигранта Исраэля Эмиота (Гольдвассера). Отсюда ему предстоял обратный путь в Польшу. Всем миром собирали биробиджанцы средства на дорогу для этого незадачливого талантливого человека, который какое-то время трудился на местной швейной фабрике. Стихи он писал на идише, поэтому в "Биробиджанскую звезду", где я тогда работала, почти не заглядывал. А редактором русской областной газеты был в то время Анатолий Михайлович Гумин, большой эрудит и человек непредсказуемых поступков. Он решил, что "Биробиджанка" тоже должна протянуть руку помощи незаслуженно пострадавшему польскому еврею. И в этом его поддержала Люба, хотя в те дни сама только-только вернулась из ГУЛАГа вместе с собратьями по перу и "космополитами" биробиджанского разлива. Помочь Эмиоту материально Гумин мог только повышенным гонораром. Но кто переведет поэта на русский? Виктора Соломатова еще не было в области, Роальд Добровенский уехал по делам армейской службы, а Леня Школьник ходил тогда в юнкорах. Люба напомнила редактору о моем недавнем случайном переводе стихотворения Бронфмана, и я по просьбе Анатолия Михайловича робко села за подстрочник эмиотовских "Саженцев". Люба позвонила, когда выстрадавший опус увидел свет, и начала с того, что своим тихим мечтательным голосом прочла:

Сторожем саженцев стала я весною, Ветер, и тот их жалеет — не треплет...

Потом предложила встретиться, чтобы познакомиться поближе. Конечно, я с радостью откликнулась на этот призыв.

Необычна и сложна судьба Любы. В стихах и прозе рассказывает она о родном местечке Славутич, где провела детство "без крова и без пищи". Беженка из панской Польши и подмандатной Британии Палестины, Люба вошла на равных в творческую студию, которой в тридцатые годы руководил в Биробиджане Давид Бергельсон, а в работе ее участвовали Эммануил Казакевич, Борис Миллер, Григорий Рабинков. Позже Люба напишет: "Теперь, когда я постарела, когда голова стала тяжелой, а чувства светлее, когда

печаль о прекрасных годах юности поселилась в сердце, — я хочу восстановить образы тех, с кем корчевала тайгу и прокладывала первые тропинки на биробиджанской земле. Увы, многие из них погибли в боях с фашистами". Но поэты не умирают, утверждала она в своих воспоминаниях о Борисе Олевском, Ароне Гофштейне, Генрихе Койфмане, Владимире Шульмане. Все, что Люба с большим чувством написала об области, ее людях, природе, можно объединить ее же словами: "Биробиджан — мой дом, и песнь моя — о нем".

В свое время Любу переводили на русский многие литераторы края, а в нашем городе с ней больше всех работали Виктор Соломатов и Леонид Школьник, последнего она особенно любила. Я же могу гордиться лишь тем, что открыла ее для наших читателей как прозаика. В этом жанре я, конечно, чувствовала себя более уверенно, чем в поэзии. Мы часами сидели с ней за составлением подстрочника — переводы всех рассказов авторизованы. Неоценимым помощником для нас оказался Михаил Абрамович Бенгельсдорф, который одинаково хорошо чувствовал и русский, и идиш. Первым и, пожалуй, самым лучшим результатом усилий нашего трио явился рассказ "Гнилкелэх" о деде Навтолэ и его маленькой внучке. Потом были "Эстер", "Звезда над Бугом", очерки о Биробиджане и биробиджанцах довоенных лет.

На берегах Биры Люба познала все отпущенные женщине радости: любовь, материнство, признание читателей. Здесь она пережила войну и счастливую весть о победе. Но однажды случилось непредвиденное: по сфабрикованному обвинению она в числе других творческих работников областного центра была арестована, и прошли долгие годы, прежде чем Люба вернулась к семье и стихам.

Возле этой женщины все казалось светлее, в каждом из близких она старалась видеть лучшее, любое проявление творческих способностей человека всегда восхищало и радовало ее. Однажды Виктор Соломатов прочел ей стихотворение семиклассника Толи Кобенкова, которое мальчик принес в мою очередную полоску для

пионеров и школьников. Называлось оно "В школьной библиотеке". Люба была поражена и, прощаясь, сказала, что мы в этот день подарили ей праздник.

Нельзя не сказать, однако, что проза была все-таки неким преходящим эпизодом в творческой деятельности Любы — она жила поэзией и не изменяла ей в самые тяжкие дни. Умер Михаил Абрамович. Наверное, я была первой, кому она прочла стихотворение, посвященное памяти мужа, — мы жили в одном доме, как говорят, дверь в дверь. Позвала она меня почти ночью, когда не могла больше находиться в одиночестве. Перевод строк, полных любви и боли, сделал Леонид Школьник:

Ты был со мной во сне и наяву,
Я вижу грусть в глазах твоих прекрасных.
Ты был со мной, и жизнь была как праздник,
Но ты ушел, и я как не живу...

Поэзия Любы Вассерман ясна и народна. Вот что сказал о ней Борис Миллер: "Неяркая с виду строка, которая проскальзывает иногда в ее стихах, — не нарочитость, она лежит в доброй традиции настоящего фольклора, звучит чисто и правильно, как пение или сердечная исповедь".

Ушла от нас Люба. Сначала уехала к сыну Серго в Молдавию, потом ушла навсегда. Но остались дорогие для нас тоненькие сборники ее стихов, полные мудрых мыслей, искренних чувств. Остался последний привет поэтессы, в котором она не изменяет любви к Биробиджану, мужеству своему и оптимизму:

Мне грустно у вагонного окна
Дышать июльским ветром и теплом.
Вы далеко, осталась я одна
Без вас, друзья, любившие мой дом.
Мне грустно: я уехала от вас,
Со мной деливших радость и беду,

Вы попрощались как в последний раз,
Как будто бы я больше не приду...
И все-таки я к вам приду, друзья, -
Без стука, незаметно до поры
И улыбнусь: "Пришла проверить я,
По-прежнему ли вы ко мне добры..."

А что касается дома в переулке Театральном, то ему бы подошел другой адрес: переулок Любы Вассерман. Городу это в копеечку не влетит: там наперечет домов. Там живет память о поэтессе. И ничего-то нет театрального.

С ОДНОГО БЕРЕЖКА НА ДРУГОЙ

Борис Израйлевич Миллер был настолько колоритной фигурой в среде творческой интеллигенции города, что молодые журналисты и начинающие литераторы, стремясь к общению с этим неординарным человеком, невольно робели перед ним, хотя Миллер был с ними неизменно приветлив и доброжелателен...

С одной стороны – член Союза писателей СССР, редактор национальной газеты, бессменный руководитель литобъединения, с другой – пожилой уже и не очень здоровый мужчина, переживший чудовищное ложное обвинение и долгое незаслуженное наказание. Он был накоротке разве что со старыми, проверенными в жизненных испытаниях друзьями и единомышленниками, для которых до вечной разлуки он остался прежним Бузей, с которыми делил и горькие воспоминания, и радужные, несмотря на происки судьбы, задумки на будущее. Таким другом для Бориса Израйлевича была еврейская поэтесса Дора Хайкина, тоже из числа первостроителей нашего города, но затем живущая вдали от бирских берегов. Узнав, что одна из улиц Биробиджана названа именем Миллера, она посвятила собрату по перу проникновенное стихотворение:

*Порою мне кажется, что наяву
Брожу я в раздумье по улице,
Где к сумеркам прячется ветер в траву,
А тени деревьев сутулятся...*

*Ах, Бузи, мой милый товарищ и брат,
Ты, наконец, богат!..*

Многогранно творчество Б.И. Миллера: стихи и эссе, рассказы, повести, пьесы... Однако не всё из богатейшего этого наследия

доступно читателю, не владеющему идишем. Не секрет, что после печальных событий 40-50-х годов на этот язык было наложено негласное табу, и молодёжь даже при горячем желании не могла в полной мере познать мамэ-лошн, хотя в то время в Биробиджане было много грамотных идишистов. К счастью, нашлись энтузиасты, которые самоотверженно стали на защиту языкового богатства еврейских местечек и творчества Шолом-Алейхема. Среди них – Шнеер Абрамович Коник. Прежде, чем продолжить тему очерка, скажем главное о человеке, к которому в полной мере можно отнести слова Леонида Школьника:

*Я не просто стихов переводчик,
- Тех, что были всегда под рукой,
А людской доброты перевозчик
С одного бережка на другой...*

В многообещающие годы «оттепели» Шнеер Абрамович занимал по тем временам весьма скромную в штатном расписании трикотажной фабрики должность экономиста. Когда в один из суматошных редакционных дней он впервые появился в отделе писем «Биробиджанки», я сразу определила, что этот высокий симпатичный человек отнюдь не из числа жалобщиков, которые в 60-е годы буквально осаждали редакции областных газет. И действительно, с подкупающей доверительностью незнакомец сообщил, что иногда пишет стихи, но сегодня принёс заметку о товарище по труду. Так, в бытность свою сотрудником отдела писем «Биробиджанской звезды», я познакомилась со Шнеером Коником, и дружба наша длилась десятки лет. Тогда же ему не было и сорока. Сначала он был нештатным работником нашего отдела, которому доверяли расследование жалоб, он вёл колонку «По следам неопубликованных писем», но излюбленным жанром начинающего газетчика были зарисовки о рабочих, а потом и очерки, короткие, но яркие. В то время у нас ещё не заходила речь о его глубоком знании еврейского языка – не очень-то популярны

были такие разговоры после кампании против «космополитов». Наконец, биробиджанские литераторы были реабилитированы, и Шнеер заметно оживился. Ещё бы! Ведь он был одним из первых кружковцев-школьников, с которыми кропотливо занимался в своё время Борис Израйлевич Миллер.

Семья печника Абрама Коника приехала в Биробиджан в начале 30-х годов. Отец, мать и два брата-погодки поселились в неказистом бараке по улице Калинина. Благодаря мастерству главы дома, в тесных комнатах было всегда тепло. Сёма поступил в еврейскую школу, что, конечно же, определило его будущее. Биробиджанский хедер располагался на улице Кирова, где позже действовал областной суд. Здание и тогда было ветхим, и можно себе представить радость мальчишек и девчонок, когда они переселились в новую трёхэтажную школу на старой теперь уже площади города. Сёма попал в класс, где русский и еврейские языки вёл Борис Израйлевич Миллер. Учитель открывал детям Пушкина и Шолом-Алейхема, Лермонтова и Уткина, Чехова и Бергельсона, прививал учащимся вкус к слову, способствовал развитию творческих способностей подростков, создав в школе литературный кружок. Не все подшефные Бориса Израйлевича стали мастерами пера, но именно из этой группы вышел «поэт из лесного дома» Макс Риант, друг детства Шнеера, а многие другие связали свою жизнь с журналистикой. Сёма стал больше читать и разговаривать на идише, сблизился с Любой Вассерман и её мужем, режиссёром еврейского народного театра Михаилом Абрамовичем Бенгельсдорфом. Не удивительно, что со временем Шнеер и сам вошёл в коллектив артистов из народа. Он уже работал в штате «Биробиджанерштерн», когда запомнился зрителям в спектаклях по пьесам Шолом-алеихема «Тевье - молочник», «Двести тысяч», Гершеле Острополер». Стал лауреатом фестиваля самодеятельного искусства.

Рассказ о Шнеере Конике будет неполным, если не сказать о роли, которую он сыграл в становлении «Биробиджанерштерн», особенно в тот период, когда газета стала двуязычной. В

коллективе редакции не было ни одного сотрудника, который не прошёл бы его уроков по совершенствованию идиша. Шнеер Абрамович стал лучшим наставником молодёжи. Благодаря ему поступили на Высшие литературные курсы при московском Литературном институте имени А.М. Горького саша Ярмарков, Ира Ерофеева, вырос до редактора газеты Владимир Белинкер, утвердился в журналистике Анатолий Темцин. Никогда не отказывался Шнеер Абрамович от частных просьб местных «стихоплётов» или любителей еврейского рассказа сделать дословный перевод с идиша на русский. Мне, например, он помог перевести некоторые стихи из нового цикла Макса Рианта, который поэт присылал уже из Узбекистана или Израиля.

Продолжая интересоваться творчеством Бориса Миллера, Шнеер в самых различных изданиях находил его произведения, не переведённые ещё на русский. К сожалению, сам он не был силён в русской словесности, поэтому литературную обработку дословных переводов доверял мне. Благодаря нашему тандему впервые появился на свет замечательный рассказ Бориса Израйлевича «Мимоходом» - изящная новелла о чудотворной силе красоты. Перевели мы и несколько детских стихотворений, лучшее из которых, на мой взгляд, - «Дворовая команда» - весёлый гимн юных хоккеистов:

*Эй, пацаны, скорей, скорей, -
Встречаемся на льду коробки,
Пойдёт игра в большой хоккей,
Все к нам, кто сизмалу не робкий...*

Шнеер Абрамович приходил в редакцию до тех пор, пока в нём ещё теплились силы. В последние годы он пережил немало потерь и потрясений: умерла жена и мать его детей, уехала за рубеж дочь, эмигрировали или уходили в мир иной друзья, коллеги. Помню, он едва удерживал листочки с переводом стихотворения Доры Хайкиной - так тряслись руки, медленно говорил, но совместную

нашу работу помнил наизусть:
*Письма летят, словно птиц караван,
Манит их берег зелёный:
Улица Миллера. Биробиджан -
Адрес до боли знакомый...*

Знакомы Миллер - это повести «Ясность», «На полном ходу», роман «Каждому поколению - своё», пьесы о первостроителях области, сборники стихов, в том числе и написанных в заключении.

Тем, кто познает дорогу в еврейскую литературу, мы предлагаем малоизвестные произведения писателя, которые, пусть только в периодике, но дошли до почитателей таланта Бузи Миллера, благодаря скромному «перевозчику доброты» Шнееру Абрамовичу Конику.

Борис Израйлевич умер в 1988 году в возрасте 76 лет. Шнеер Абрамович ушёл вместе с двадцатым веком.

БИРОБИДЖАН МНЕ СНИТСЯ ПО НОЧАМ

Макс Карлович Риант писал стихи только на идише, поэтому сохранилось очень мало ранних его произведений, переведённых на русский творческими силами нашего города – своих переводчиков он нашёл позже и уже вдали от родных мест. Впрочем, когда несколько лет назад Ташкентское издательство имени Гафура Гуляма выпустило альманах «Слово заветное», в котором была представлена подборка стихов нашего земляка, жившего тогда в Самарканде, журналисты областных газет были приятно взволнованы, увидев свои фамилии среди тех, кто помог Максу донести мысли и чувства до русского читателя.

Мы словно вернулись в молодость, многое вспомнили из, казалось бы, давно забытого. Как старой знакомой улыбнулась я, например, такой строфе:

*Спасибо за июльский зной
И за декабрьский лютый холод.
Валдгейм, я мысленно с тобой,
Я полон сил, я снова молод.*

И действительно, титульного листа альманаха смотрел на меня не более. Чем сорокалетний мужчина – настоящий Макс Риант конца шестидесятых. Но ведь теперь ему... Впрочем, для творческой личности возраст – понятие относительное. А четыре строчки взяты из стихотворения «У самой колыбели». С его работами я могла знакомиться, не зная мамэ-лошн, только через посредников, то есть составителей подстрочников, которые в своё время успели сделать Люба Вассерман, Шнеер Коник, Наум Фридман и сам поэт. Помню, как за пару вечеров мы с ним буквально «перетащили» на русский «Первый дом»:

*Шум тайги теперь уже не слышен,
Там, где довелось когда-то мне
Первый дом под ненадёжной крышей
На упрямой строить целине.*

А наш коллега, Виктор Соломатов, будучи истинным поэтом, на одном дыхании справился с «дословником» другого стихотворения, «Сердце просится в дорогу»:

*Бежит дорога – не догнать...
Спешу. Я сердцем непоседа.
Мне б дали дальние изведать
И суть земную всю познать.*

*Иду за ручьём певучим
К селу, что светится вдали,
И думаю. Что нету лучше
Валдгеймской ласковой земли.*

Макса Карловича называли «поэтом из лесного дома». В Валдгейм его перевезли родители-переселенцы из Саратова. В этом селе он учился в школе, работал в колхозе, отсюда ушёл на фронт и воевал до Победы все четыре года великой Отечественной. Потом, будучи уже сотрудником «Биробиджанерштерн», закончил заочно Хабаровский педагогический институт, был корреспондентом еврейской редакции областного радио. За годы совместной работы в редакции и радиокомитете мне больше всего запомнилось в Максе его трудолюбие, которое, как известно, играет решающую роль в достижении творческого успеха, и часто отсутствие именно этого качества убивает вялый талант. Каким ещё был Макс в то время человеком в журналистской среде? Отличный семьянин – это точно. Товарищ? Многим из нас доводилось делиться с ним сокровенным в трудное время, и никто об этом ни разу не пожалел.

Годы – беспристрастные судьи, и в конце концов они достаточно убедительно высветили гражданскую позицию Макса, его патриотизм, верность идеалам юности.

*Детство милое, в отдалении
Ты шагаешь всегда со мной,
Дальний край, золотое время
И Бира в стороне лесной,*

*Ты в глазах моих и в ладонях,
И в груди я тебя несу,
О, Валдгейм, деревянный домик,
Не затерянный в том лесу...*

Отец Макса был колхозником, возил на подводе в город молоко, и острые на язык биробиджанцы называли его именем известного героя Шолом-Алейхема. Отцу посвятил поэт лучшее из своих стихотворений, так и озаглавив его – «Тевье – молочник». Среди персонажей поэмы «Свадьба в колхозе» читатели узнают представителей знатных валдгеймских династий Пришкольников, Резников, Раков.

Макс Карлович – боевой фронтовик. Тема великой битвы нашла преломление в циклах «Вокзалы войны», «Среди друзей». О чём бы ни говорил поэт, о Курской дуге или окопном братстве, – красной нитью через стихи проходит призыв к миру и дружбе народов, столь злободневный в наши дни. «Поэма о безмолвии» – страшный рассказ о расправе фашистов с мирным населением местечка Шилов:

*Евреев было тут как раз
На одного раввина.
В могиле все лежат сейчас –
Погублены безвинно.*

«Маршевые роты», «Медсестра», «Окопы в саду» и многие другие стихи военного цикла – горькая поэзия минувшей войны и идущий от сердца призыв к взаимопониманию. Этой же темой проникнута поэма «2 Большие миры», давшая название последнему сборнику поэта. Прекрасна земля и звёздное небо над головой – утверждает автор. Во власти человека спасти красоту и саму жизнь.

Последнее время Макс Риаант успешно работал и в жанре прозы. В Самарканде вышел сборник его очерков «Поезда прибывают вовремя».

Биробиджанцам особенно интересен документальный рассказ «Письма из Тынды» – о бывших жителях областного центра – супругах Михаиле и Полине Гоникман.

Примечательно, что в своём позднем творчестве вдали от ЕАО Риаант постоянно возвращается к родным местам – городу на Бире, Валдгейму, образам земляков. В подборке стихов «Слово заветное» живо написаны портреты портного Шолема и его жены Брохи, ярким образом деда поэта – первостроителя автономии. Философскими раздумьями проникнута подборка «Полоска зари» – грустное откровение и мудрый оптимизм:

*Да, юность стремлений полна,
Но ей не завидуешь напрасно.
Бывает, как свечка она
От ветра случайного гаснет.*

*Не сетуй на годы, не ной –
В них радость твоя и забота,
И старости тоже порой
Быть может, завидует кто-то.*

Увы, наша переписка оборвалась, и я не знаю сегодняшнего адреса Макса. По слухам, он в Израиле. Очень хочется, чтобы до него всё-таки дошло приглашение старых друзей на юбилей области, как дошло до нас его замечательное стихотворение, одно из

последних, написанное в минуты раздумья:

*Биробиджан мне снится по ночам,
Виденьем проступает через тьму.
Походкой лёгкой проходил я там
Вдоль тихих улиц к дому своему...*

Русский текст был послан в своё время поэту «с оказией», одобрен им. Где ты теперь, Макс Карлович?

ДВЕ НИВЫ ПАХАРЯ РОМАНА

Он скорее походил на артиста – стройный. Элегантный, с ранней сединой в пышной шевелюре, контрастирующей с чёрными усами. Строгий на вид человек, он был необычайно прост в общении, что характерно только для истинного газетчика. В редакции газеты «Биробиджанерштерн» Роман Самойлович Шойхет отвечал за сельскую тематику, и в то же время все его рассказы, очерки, а потом повести и романы были связаны с многогранной жизнью местного крестьянства. Поэтому, наверное, поэт Виктор Соломатов окрестил Романа «пахарем двух нив» - газетной и литературной. Товарищеская метафора оказалась удивительно точной.

...Родился герой нашего этюда в старинной еврейской колонии Эфингарь, бывшей Херсонской губернии. Особенности и нравы его земляков заключались в том, что это были трудолюбивые и мирные крестьяне, жившие в дружбе с русскими, украинцами, молдаванами... В селении было три синагоги, где жители справляли праздники и обряды. В Великую Отечественную колония подверглась разрушению, и большинство евреев были уничтожены фашистами, однако семья Шойхетов успела переселиться в Казахстан, а затем на Дальний Восток, в Еврейскую автономию. В приамурском селе Пузино Роман закончил семилетку, стал трактористом, отсюда ушел в армию. Демобилизовавшись, закончил заочно десять классов и снова сел за руль трактора. Стоит ли говорить, что дела и заботы пузиновцев стали его собственными. Он понимал, искренне любил односельчан, а потому не стал противиться желанию ярко и подробно рассказать о них. Желание это вылилось в первый рассказ, простой и убедительный, потому что молодой механизатор писал, можно сказать, о самом себе. Я познакомилась с Романом Самойловичем в 1963 году на литературном объединении, когда первый опыт нового автора был одобрен

Наумом Моисеевичем Фридманом (а это ох какой успех!) и подписан к печати. В 1974 году Роман уже работал в "Биробиджанерштерн" - газете, в которой он прошел путь от корреспондента до заместителя редактора. В этом же году он стал участником семинара молодых литераторов Восточной Сибири и Дальнего Востока. В Иркутске прозу его заметили и отличили.

Роман, окрыленный успехом, решил написать книгу о нелегкой жизни послевоенного села "Родная земля". В хозяйствах области его знали все - руководители, зоотехники, рядовые поля и ферм. Он же, в свою очередь, лучше редакционного кабинета знал самые отдаленные от областного центра уголки автономии. Живых наблюдений было хоть отбавляй. В книге "Хлебобобы", где местом действия стал крупнейший на Дальнем Востоке колхоз, созданный переселенцами, мы без труда узнаем в главном его герое Владимира Израйлевича Пеллера.

На творчество "пузиновского пахаря" откликнулись профессиональные литераторы. Одобрительные отзывы Роман получал из Хабаровска, Иркутска, Москвы. В конце семидесятых он, уже член Союза писателей СССР, работает особенно много и напряженно. Появляется его книга "Час печали и час отрады" - о тяжелых испытаниях жителей еврейского поселения на Украине, а затем роман "Без воды растут лишь камни", обдумывается вариант главной, как он считал, книги жизни "Колонисты". Много сил и времени писатель отдал роману "Хазары" - о том, как представители одной из тюркских народностей приняли иудаизм...

Нам, газетчикам, памятливы публицистические статьи писателя по вопросу возрождения идиша и еврейских традиций в автономии. Он мечтал оживить работу литобъединения, открыть в областном центре самостоятельное издательство, вернуть биробиджанский еврейский театр...

Одновременно Роман Самойлович добросовестно исполнял обязанности редактора сельхозотдела "Штерна" - ежедневно требовались оперативная информация с места событий, о ходе сельхозработ, зарисовки о людях села. Времени катастрофически не хватало, а тут подоспели события начала девяностых, которые он принял близко к сердцу...

Роман Шойхет покинул газету и семью досадно рано, едва перешагнув шестидесятилетие. Область потеряла писателя, хорошо владевшего идишем и русским, а еще пришлось землякам навсегда проститься с умным доброжелательным человеком, с которым так приятно было держать совет или просто греться в лучах его ясных глаз.

Мемориальная доска на доме № 44 по улице Ленина оповещает жителей и гостей города, что именно в этой пятиэтажке жил и работал Р.С. Шойхет, но лучшей данью его памяти, как мне кажется, стало бы издание полноценного сборника новелл писателя. Стоит вспомнить хотя бы такие яркие из них, как "Прозрение старого Лейбы", "Степное эхо", "Дорогой белых журавлей", "Стужа", "Неоконченный портрет"... Такого сборника пока нет.

И ВЕЧНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ

В то утро я вернулась из командировки и прямо с вокзала заявила в редакцию «Биробиджанки». Со второго этажа навстречу мне спускалась песня: «Ты прислушайся – услышишь, как весёлый барабанщик с барабаном вдоль по улице идёт.

В рассветный час на работе мог быть только Наум Моисеевич Фридман, но я прежде никогда не слышала, чтобы он упражнялся в вокале... Голос звучал необычно молодо для предпенсионного возраста нашего замредактора, причём исполнитель явно обладал музыкальным слухом – ни разу не сфальшивил, хотя явно «косил» под Окуджаву. Как можно тише я вошла в кабинет «литрабов» нашего отдела, тогда именуемого идеологическим. За столом, ранее пустовавшим, расположился действительно молодой человек с крутым лбом и приветливым взглядом серых глаз...

- Виктор Соломатов, - вставая, представился он. – Из Хабаровска, может, слышали?

- Слышала и читала. Хорошие стихи.

- Надеюсь, - согласился он. – Многим нравятся. Даже Асламову.

«Этот парень от скромности не умрёт», - подумала я. Но тут появился Наум и увлёк новичка в свой кабинет. Мне же только кивнул и пробурчал что-то насчёт оперативной информации, остальное, мол, подождёт.

Сосеждествовала я с Витей около двух лет. Мы подготовили несколько тематических страниц из совместных командировок в глубинные сёла. Виктор очень скоро порадовал читателей добротными выпусками первых литературных полос, а потом... Потом, как писал о Соломатове Михаил Асламов, «муза Виктора Ивановича, беспокойная, мятежная, вновь стала задыхаться в отведённой кубатуре». Недаром в одной из работ поэт писал о себе: «Страсть к кочевью меня мучит и глохнет». На деле оказалось, что

она, эта страсть, оказалась сильнее многих привязанностей и пристрастий и вновь увлекла Витю в неизведанное – на дальний север. Долго путешествовал поэт по окраинам Камчатки, и в корякском посёлке Оссоре родилась книга «Кочевье». Движение – единственное состояние лирического героя сборника стихов, который в вечном поиске, которому «трудно без трудностей». Как каюр, он живёт под девизом «Тагам!», что по-корякски означает «Вперёд!». Вперёд, через преодоление.

Впрочем, жизнь не была для Соломатова лёгкой с самого детства. Виктор родился в зловещем 1937 году. Пацан с Хабаровской окраины, которого позже лишила мужской опеки война:

*Мы росли без догляда, без ласки отцовской –
Саранча по чердымовским тучным садам.
Сторожка за отчаянность звали нас «рокошсовцы»
И не скрою, что прозвище нравилось нам.*

Эту тему он развивает в стихотворении «Моё поколение»:

*Нам выпало взрослеть в пятидесятых –
То этого нехватка, то того.
Приметил я: слегка сутуловаты
Мужчины поколенья моего.*

*Какие есть. Судьбою не задарены,
Мы свой полусиротский крест несли,
Но среди нас уже росли Гагарины,
И Шукшины с Высоцкими росли.*

Главный герой ранних стихов поэта – романтика, но отнюдь не такая, как, например, в песне «Ая еду, ая еду за туманом». Сам поэт уверенно заявляет, что романтика – серьёзная работа. Крепкие руки, думающая голова, точная жизненная прописка – вот

романтика Соломатова. Есть в «Кочевье» раздел, восходящий к народным преданиям, былинам. Удаль и сила, народный оптимизм привлекает к нему внимание читателя.

Но вернёмся к биографии Виктора. В Хабаровске он закончил десятилетку, учился в педагогическом институте. Не помню, сколько курсов закончил, но эрудиции, особенно знаний русской истории, словесности и литературы ему было не занимать. Служил в армии, как положено. Первое стихотворение напечатал в «Молодом дальневосточнике», где обрёл замечательных наставников, потом сотрудничал в «Суворовском натиске» где его тоже не оставили без внимания уже известные литераторы. Достаточно назвать Сергея Тельканова, Римму Казакову, Анатолия Рыбочкина. В таком окружении дарование Виктора развивалось весьма активно. В 1965 году, уже будучи ведущим журналистом «Биробиджанской звезды», Виктор стал участником Читинского семинара молодых авторов Сибири и Дальнего Востока. Итогом этой встречи было издание самого первого сборника его стихов «Росинка» (это ещё до «Кочевья»). Третий скромный сборник поэт озаглавил словом «Отечество» по ассоциации с отчизной, отечеством. Журналисты понимают, как непросто было автору написать даже такую небольшую книжцу в условиях газетного конвейера.

*Пусть тиражи моих неброских книжек
Невелики. Но разве в этом суть?
Стремиться жить, а не стремиться выжить,-
Я так земной определяю путь.*

Последняя книга поэта «Избранное» вышла при поддержке Администрации ЕАО в 2001 году. Как всегда, поэтической доминантой сборника остаётся преодоление. В цене остаются трудная, но верная мужская дружба, честность в товариществе, любовь и надёжность, «как говор весеннего ручейка под толщей льда».

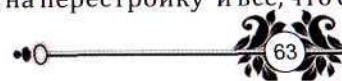

Известно, что судьбы поэтов, судьбы талантов, изменчивы, гороскоп творческой личности составить невозможно, так причудливо всё в их жизни преломляется. В детстве он преодолевал в себе комплекс безотцовщины, в юности – последствия неудачной женитьбы, хотя и на достойной уважения женщине, разлуку с первенцем, боролся за равновесие души, сумев сохранить за собой незаурядный талант. Потом назревала угроза потери беззаветно преданной ему женщины. И Виктор Иванович, истинный патриот России, эмигрировал за ней в Средиземноморье, чтобы сохранить семью. Он решительно пресёк все досужие разговоры, опубликовав в местной газете простую, всем понятную статью «Не ищите политического подтекста в моём отъезде». Он вновь напомнил, что три десятилетия Биробиджан был добр к нему, и этот город навсегда поселился в его сердце.

А петь он любил всегда, в любое время, заразив всех окружающих увлечением песнями «оттепели»: о бригадине, поднимающей паруса во флибустьерском дальнем море, о бывшем лучшем, но опальном стрелке...

Рассказ о Викторе Соломатове не будет полным. Если умолчать об огромной и успешной его работе над переводами еврейских поэтов, но это должно стать отдельным и обширным исследованием. Выходит за рамки сегодняшней темы и его роль в становлении третьего поколения литераторов на биробиджанской земле. Со страниц соломатовской «Мастерской» шагнули в большую поэзию Ольга Ермолаева, Анатолий Кобенков, Леонид Школьник, Владимир Русаков, Анатолий Овечкин, Павел Алексейчук, а из прозаиков – Роман Шойхет.

Виктор Иванович умеет радоваться чужим успехам, но решительно ставит заслон в печать бездарям и графоманам. Когда в 1995 году его принимали в Союз писателей России, коллеги отметили ещё одно неоспоримое достоинство творчества дальневосточного поэта: его стихи – воинственно антимещанские, антибывательские. Серьёзный рациональный взгляд Соломатова на перестройку и всё, что связано с ней, сочетается в

нём до сей поры с юношеской романтикой и мечтами.

Лишённый практицизма и расчётливости, Виктор идёт по жизни бессребреником. Когда у него заводились деньги, он готов был ссудить ими даже мало знакомого человека. А когда сам бывал на мели, друзья выручали его без раздумья, хотя и знали, чем может обернуться порой лишняя пятёрка или десятка... Виктора нельзя было обманывать, потому что сам он никогда не лгал. Остаётся правдивым он ми в творчестве.

ИЗ ИЗРАИЛЯ С ЛЮБОВЬЮ

*Не коммунист и даже не еврей.
Ни тем и ни другим я в жизни не был.
Но надо мной израильское небо,
А звёзды юга северных добрей.*

*Я здесь живу. Вполне благополучен.
Одет и сыт семья моя со мной.
Наверное, не надо доли лучшей,
Но, Боже мой, как хочется домой.*

*Где холода, где голодно и сиро,
Где всё, что льётся, беспросыпно пьют.
Не думал никогда, что с «эфтой силой»
Меня воспоминания добьют.*

*Услышать бы, как воеет в поле вьюга
И брякает щеколда у дверей.
Но я живу под знойным небом юга
Не коммунист и даже не еврей.*

ВСЕ ПОКОРЯЕТСЯ СИЛЕ СТИХОВ

Великий Лермонтов сказал о поэте предельно точно:

*Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных невзгод,
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.*

Эти слова не о себе, о поэте вообще, и не обязательно гениальном, пусть просто одаренном, однако именно о стихотворце, а не рифмоплете.

Михаил Юрьевич и биробиджанец Павел Алексейчук жили в разные эпохи, но мысли о судьбе Поэта у них родственны...

Вот что я нашла среди давних стихов Паши:

*Я не знаю, за что так безвинно наказан,
За какие и чьи (непонятно) грехи,
Почему я платить бесконечно обязан
Беспокойством ночей за сырые стихи?
Но когда на заре, позабыв о покое,
Разродится душа долгожданной строкой,
Я не знаю, за что же мне счастье такое
И зачем он мне нужен — бесплодный покой...*

Однако если говорить о «наказании», то муки творчества скорее Божий дар. Испытание на прочность судьба уготовила этому человеку иное: с детских лет он постепенно терял зрение и, наконец, очутился в полном плену темноты. Тяжкий рок, Бог знает, с каких времен, висел над его родом - слепота как будто нарочно поражала в разных поколениях то одного, то другого. Родители были здоровы, а из четверых детей наследственная болезнь обошла только старшую сестру Павла. Коварны бывают гены.

А родился Павел Ксенофонович в хорошо известном

биробиджанцам Птичнике, пригородном селе. В мальчишестве любил рыбалку, ходил в редки за грибами, знал ягодные места. Прелести, краски и проказы родной природы не переставали волновать его и с потерей зрения — они представляли перед мысленным взором поэта, он их помнил, осязал, воспринимал невесть каким по счету чувством, сам поражаясь этому свойству:

*Неужели сумел я увидеть воочию,
Как бывают тихи в совершенном ладу
Судивительно легкой нездешней ночью
Великаны-деревья в цветущем саду?*

Читать Павел научился до школы, а настольной книгой в доме был «Кобзарь» Тараса Шевченко. Мать и отец читали его в подлиннике, а мальчик — в переводе на русский. Позже Паша напишет:

*И пришло осознание большой перемены,
Что по воле до боли любимой страны
Вдруг проснулись во мне украинские гены
И коснулись какой-то глубинной струны.*

А болезнь прогрессировала, и продолжать учебу в сельской школе он не мог. Павлика отправили в интернат для слепых детей — был такой в Амурской области. «Специнтернат» — звучит казенно, но Павел Ксенофонович хранил о нем самые теплые воспоминания. Педагоги по-настоящему заботились там о всестороннем развитии детей, уделяя внимание индивидуальным особенностям воспитанников. Павел научился играть в шахматы и проявил в этом виде спорта большие способности. Он занимался легкой атлетикой, участвовал в художественной самодеятельности, много читал. Учitando успехи юноши, ему предложили продолжить образование в хабаровском филиале Новосибирской очно-заочной школы для слепых и одновременно

работать на учебно-производственном предприятии (УПП), которое выпускало мелкие изделия. В новом коллективе он обрел друзей, был признан лучшим шахматистом и в этом качестве где только не побывал! Одерживал победы на шахматных турнирах в Якутске и Ростове, Кемерово и Москве, Чите и многих других городах страны. Наград привозил столько, что хоть выставку открывай. На конкурсе чтецов в Хабаровске тоже получил диплом.

Писал стихи и однажды рискнул послать несколько своих работ в газету «Молодой дальневосточник». Напечатали. Стал сотрудничать с журналом «Наша жизнь», издаваемым центральным правлением общества слепых в Москве, и как-то получил оттуда письмо: «С большим удовольствием погрузился в свежие струи Вашего творчества, которое глубоко тронуло мою душу. Ваши стихи отличаются яркой образностью, особенно удаются зарисовки природы и философская лирика. Редактор-консультант В. Бухтияров». А за подборку стихов в «Суворовском натиске» Павлу Алексейчуку присудили однажды премию года.

Разумеется, были в его жизни малые и большие беды, периоды душевного подъема и депрессии. Вихри перестройки не обошли и УПП. Оставшись без работы, Павел последовал совету сестры и переехал в Биробиджан. Перемена обстановки, разлука с друзьями дались нелегко:

*Я чувствую прошлого вязкие путы,
Я часто бываю задумчив и хмур,
И мне вспоминается в эти минуты
Хабаровски и наш несравненный Амур.*

Но именно в Биробиджане, страдая от одиночества, он целиком переключился на поэзию.

*Если скажут, что я не поэт,
Значит, я не живу.
Мне в поэзии солнечный свет
Вновь блеснул наяву.*

Вместе с лирическими в творчестве Алексейчука звучат гражданские мотивы. Поэт рассуждает о наболевшем:

*Наше жилье — то ли сейф, то ли клетка,
Крепость, тюрьма и копилка тоски.
Даже соседка с другою соседкой
Видятся только в дверные глазки.*

Болью и горечью проникнуты стихотворения «Исповедь», «Ветеранам», «Праздник для Москвы».

Имя Павла Алексейчука все чаще и чаще появлялось в местных газетах, в 1996 году он стал лауреатом премии городской администрации. С этим событием поэта поздравили хабаровчане, позвонили земляки из Птичника, работники региональной библиотеки для слепых, биробиджанские журналисты. И все-таки Павел Ксенофонович еще и еще раз почувствовал себя в нашем городе в некой изоляции. Иногда в будние дни ему и на воздух не с кем выйти. Семейная жизнь не сложилась, и когда умерла единственная дочь, свет вновь померк для поэта. Однако какое-то время он еще упорно сопротивлялся злодейке-судьбе:

*Хоть знаю, что живется легче тем,
Кто верит в покаянья и молитвы,
Но без мольбы со скопищем проблем
Я, как умею, сам вступаю в битвы.*

Однако бой оказался слишком уж неравным: последний год Павел провел в полной неподвижности на больничной койке. Незадолго до ухода в небытие он передал мне две общие тетради стихов, написанных от руки, стихов, которых бы хватило на прекрасный поэтический сборник. Наверное, нам, биробиджанцам, надо сообща об этом позаботиться. А пока предлагаем читателям «БН» лишь подборку стихотворений этого удивительного человека.

И ВСТРЕТИЛИСЬ МЫ НА ВОСТОКЕ

Ко дню рождения Риммы Казаковой

*Мне опять на Восток,
Это к счастью, ей-богу.
Хоть меня ты не ждешь,
Хоть грусти-не грусти.
Но люблю я просторы,
Люблю я дорогу,
Сердце бьется в груди,
Сердце снова в пути.*

Незабываемую песню на эти строки Риммы Казаковой написал в середине прошлого века самодетельный композитор и талантливый педагог Анатолий Бередух, которому судьба, увы, отвела досадно малый срок земного бытия.

Возможно, песню помнят давние выпускники биробиджанской школы, которую именно Анатолий Кузьмич в свое время и на долгие годы окрестил "Первой верной".

Примечательно, что проявление творческих способностей человека всегда восхищало и радовало Римму Федоровну. Могла ли она оставить без внимания музыку Бередуха или стихи молодого поэта из Ленинского Николая Капусто, который много лет успешно руководил литературным объединением в районном центре?

Всякий раз, приезжая из столицы, Римма Федоровна стремилась побывать в Ленинском, встретиться с сельским поэтом, с которым ее связывала теплая дружба. Однажды мне довелось поехать в райцентр вместе с московской гостьей. На творческом вечере Николай Владимирович читал одно из лучших своих стихотворений "Охота без добычи". Со свойственной ему лиричностью он описал тихое летнее утро на озере. Однако в пейзаж тишины и благодати настойчиво вплетались нотки тревоги за хрупкое благополучие пограничья (ведь тогда уже назревали события на острове Даманском).

*...И только селезень-дозорный
Не очень верил тишине.
Он изваяньем непокорным
Застыл на розовой волне.
Аутки плавали, как феи,
В крутой излучине реки*

*И первый раз свои трофеи
Сложили мы не в рюкзаки...*

В тот раз охотники, действительно, сложили свои трофеи не в рюкзаки. Они увезли с собой впечатления от этого прекрасного мирного утра, а Николай Владимирович - стихи, которые высоко оценили и Римма Казакова, и известные дальневосточные поэты. Вернувшись из Ленинского, Римма Федоровна поспешила опять навестить в больнице Анатолия Бередуха и была, как говорят, убита прогнозом онкологов...

Потом она жила в Москве. Родила сына и выпустила цикл прекрасных стихов о счастье материнства. Но и в самые благополучные годы жизни в столице ее не покидало стремление вновь побывать в Приамурье.

*Этот избранный путь,
этот поиск нелегкий
Даже если одна,
я не брошу вовек,
Только встретимся все-таки
мы на Востоке,
Потому что ты тоже
такой человек.*

Это стихотворение, по сути, прощание с Дальним Востоком, Римма Казакова посвятила своему мужу, которого действительно встретила в этом краю - в Биробиджане, на крыльце областной научной библиотеки...

Очень жаль, что встречи с Риммой были редки и мимолетны, но всякий раз они производили на меня глубокое впечатление - она всегда всех очаровывала, потому что была исключительно обаятельной женщиной. Сколько лет минуло с тех пор, а я как сейчас ее чувствую и вижу. Потрясающий человек, умный и красивый. Красивый не столько чертами лица, сколько всем обликом своим. И необычная. Не было в ней ничего напыщенного - своя, открытая, доброжелательная... Такой Римма Федоровна осталась в моей памяти. А сама она всегда оставалась женщиной, лишенной душевного застоя и обывательского покоя, что столь характерно для людей истинно творческих.

ГОЛОС ГОРОДА - БАРИТОН

Сорок лет звучит по областному радио голос Николая Ивановича Березного, и мы узнаем его своеобразный тембр, как старого знакомого. Не слабеет этот голос со временем и не стареет с годами, как нам кажется, и его владелец: стройный, быстрый, приветливо улыбающийся. В один из юбилеев бывшего областного радиокомитета бессменному диктору было посвящено четверостишие:

Тебе природой голос дан,

А комитетом - пост серьезный.

Все слышат: "Говорит Биробиджан!",

Но мы то знаем: говорит Березный...

Брожение творческих способностей он чувствовал в себе с раннего детства и стремился хоть в чем-то их проявить, тем более что в родной деревне Аносово на Приамурье самобытных талантов было не занимать: мастера-балалаечники, гармонисты, плясуны, певцы и приверженцы прикладного искусства... А Дом культуры в селе Нововоскресеновке, ныне Шимановского района, был для окрестного населения почти священным местом - как Большой театр для гостей столицы.

В среднюю школу Коля ходил за шестнадцать километров от дома. Лил ли дождь, мела ли пурга, мальчик рассчитывал силы и время, чтобы не опоздать на уроки. А учился он с большим удовольствием. Именно в школе Николай встретился с выпускником Иркутского художественного училища Александром Сапуновым, который показал ему свои рисунки и дал несколько уроков. Подросток прямо-таки "заболел" рисованием. Он завел альбом набросков с натуры несложных репродукций, взял на себя оформление школьного здания, выпускал стенгазету и твердо решил ехать после школы в Хабаровск на худграф. Учителя,

товарищи и родственники уже прочили ему будущее на ниве живописи.

Однако по совету старших Коля поехал не в краевой центр, а в Биробиджан - все ближе к дому. К тому же в городе на Бире хорошо зарекомендовала себя школа библиотечных и клубных работников, которая несколько позже обрела статус краевого культпросветучилища. Музыкальный и голосистый юноша выбрал клубное отделение и в августе 1949 года явился на вступительные экзамены в большой, но тесноватый и весьма похожий на лабиринт дом на улице Советской. Рядом сдержанно гудел рынок... Обаятельная внешность парня, приятный баритон, умелая игра на гармошке покорили членов приемной комиссии. Но не только педагоги заинтересовались этим "кадром" - на Николая обратили внимание вездесущие журналисты, которые присутствовали на экзаменах, и прежде всего Абрам Ильич Мордухович и Марина Савельевна Эйтингон из областного радиокомитета. Разговор с ними - первая встреча Николая Ивановича со своей судьбой. Его пригласили в студию на "пробу голоса", и он единственный из всех претендентов получил одобрение специалистов. Однако до дикторского микрофона предстояла еще долгая дорога.

Годы учебы в "кульке" запомнились знакомством и частым общением с совершенно неординарной женщиной - Мирой Моисеевной Шименко - преподавателем основ сценической речи и режиссером русского народного театра. Мира Моисеевна вовлекла Николая в художественную самодеятельность, и он успешно дебютировал в любительских спектаклях, а в пьесе Константина Симонова "Русский вопрос" справился со сложной ролью Гарри Смита. В то время местному радио отводился всего час вещания, но голос Николая Березного слушатели уже отличали от других дикторских и авторских голосов. Кроме того, он прославился в городе как лучший настройщик музыкальных инструментов.

На два года эти приятные занятия прервала служба в армии, сначала в Приморье, потом в Монголии. Но и в воинских частях Николай находил себе дела по душе - участвовал в выпуске штабной стенгазеты "Солдатское слово", увлекся фотографией и в конце-концов поступил на хоровое и дирижерское отделение института культуры города Улан-Удэ. Так что после демобилизации как заочник престижного вуза уже с полным основанием пришел

на работу в родной Нововоскресеновский ДК, а помимо основной работы преподавал в школе пение, рисование и даже физкультуру. Казалось бы, человек окончательно нашел себя, остепенился и обзавелся семьей. Но тут случился новый поворот судьбы, и опять - в сторону Биробиджана.

В августе 1962 года Николай Иванович получил приглашение на традиционную встречу выпускников культпросветучилища, и первый, кто его радостно встретил на биробиджанской земле, был... Абрам Ильич Мордухович:

- Ты где пропадал?! Быстренько оформляйся и - в студию. Николай пытался было объяснить, что не взял с собой даже трудовую книжку, но бывалый фронтовик Абрам и слушать ничего не хотел:

- Документы вышлют. Пошли в комитет.

Пришлось вызывать из Амурской области жену, жить в студии и кабинетах комитета, пока не дали квартиру...

С тех пор минуло сорок лет. И поныне стоит у городского парка немудреной конструкции кирпичный дом в два этажа. Многие годы до создания телерадиокомпании "Бира" его кратко именовали областным радиокomiteетом, хотя учреждение это занимало лишь малую часть здания. Второй этаж был жилым, внизу ютились радиомастерская, расчетный стол за пользование радиоточками, более чем скромные студии, машбюро и, наконец, кабинеты "радиотиков" - так в шутку тогда называли нынешних радиожурналистов. В общей редакторской плотно друг к другу стояли столы пишущей братии, в отдельной комнате восседал только председатель комитета. Ефим Белкин занимался промышленностью. Семен Степанцов - сельским хозяйством, Сара Браверман вела детский сектор, Михаил Корчминский и Александр Розенфельд отвечали за вещание на еврейском языке, а самый шумный и неугомонный Вячеслав Чистяков поставлял для передач свежие новости. При всем этом диктор считался фигурой номер один, лицом комитета. Он готовил к эфиру тексты самых различных жанров - от информации до очерка, фельетона и высокой поэзии. Ему вменялось также в обязанность читать без подготовки - "с листа", следить за ударениями, логическими или эмоциональными паузами, а главное, он должен был усвоить

незыблемый постулат профессии: "слово без души - производственный шум". В этом отношении новичку повезло: рядом с ним работала прекрасный диктор Циля Григорьевна Каневская. Вот уж кто умел читать так, что слушателей бросало в дрожь. И хотя Циля вела передачи на идише, ее, казалось, понимали все. Редакторскую работу совмещала с дикторской и Софья Михайловна Бакалинская, которую тоже нельзя было слушать без волнения, а то и слез.

Конечно, Николая Ивановича не раз посылали на специализацию в Хабаровск и Москву, где он встречался с лучшими дикторами страны, с самим Левитаном. Но первыми его учителями были коллеги.

Сейчас роль диктора несколько изменилась - все чаще и чаще его подменяют ведущие журналисты, однако и поныне работы Николаю Ивановичу хватает с лихвой. Взять хотя бы "Субботний лабиринт", где надо проявить подлинный артистизм. Иной жанр - "По тропам еврейской истории", но и к этой передаче диктор готовится, как к сольному выступлению...

Голос Николая Ивановича узнаваем и любим. И дело не в том, что десятилетиями биробиджанцы слушают его не только в своих квартирах, но и на улице, на стадионе во время массовых праздников. Баритон Березного мы стали воспринимать как голос Города, голос Родины, в конце концов. Известен примечательный случай: Указ о награждении нашей области орденом Ленина был записан в свое время на пленку дважды. В первом случае его прочел Левитан, во втором - Николай Иванович. И что же? На празднике в эфире прозвучал голос... Березного. Иначе жители области не до конца, казалось бы, прочувствовали значение события и свою причастность к нему. Голос Березного роднит... А в коллективе он, как и в молодости - веселый, доброжелательный человек. На досуге занимается дачным участком, заботится о своем "Запорожце", который с присущим юмором называет "мояхохлаета".

В 1979 году Николаю Ивановичу была присвоена квалификация диктора первой категории, а в 1985 году он стал Заслуженным работником культуры. Радиослушатели верят, что это не последняя награда ветерану эфира.

Давным-давно, а точнее, в 1860 году российские меценаты организовали в Санкт-Петербурге выставку народного творчества. Некто Позвейн за свои работы получил золотую и серебряную медали выставки, в том числе за резьбу по бересте.

- Кто это? — любопытствовали любители искусства. — Откуда?

Ответ ошеломлял всех. Позвейн оказался нивхом с берегов мало кому из питерцев известного Амура. Он стал первым лауреатом своего народа...

На обширных пространствах амурского бассейна рассеяны селения коренных жителей Дальнего Востока: ульчей, нивхов, нанайцев, эвенков, орочей, удэгейцев... Это потомки некогда могучих племен, населявших дальневосточные земли. Далекие предки оставили им в наследство богатейший многовековой промысловый опыт, отличное знание родной природы и неповторимую культуру. Мужчины традиционно занимались резьбой по дереву, на коре, в том числе и бересте, а женщины украшали одежду, обувь, головные уборы художественной вышивкой, делали экзотические ковры, пояса, сумки. Знаменитый амурский орнамент органично связан с природой края, ее растительным и животным миром, и не все еще в нем разгадано: он — словно послание нашим современникам из глубины веков.

Красный Октябрь круто повернул первобытно-общинный уклад жизни коренных дальневосточных народностей, и они пошли по новому пути с огромной жадностью познания и надеждой на лучшее. Действительно, за 70 лет советской власти многие коренные народы получили свою письменность, появились у них свои ученые, писатели, артисты, общественные деятели. Плохо только, что многие «команды сверху» для их просвещения давались без учета особенностей этнических групп, без знания национального характера, психологического склада этих людей.

Бездумное увлечение «прогрессом» привело к нарушению экологического баланса в местах традиционного проживания этих народов, причем иногда их же руками, к упадку промыслов, к истощению природных богатств тайги и рек. Промысловики постепенно теряли чувство хозяев родных мест.

Стали исчезать и многие виды народного творчества. Старые вышивальщицы уходили из жизни, не успев передать свое изумительное мастерство молодым. Правда, участие коренных амурцев в отечественных и международных выставках продолжается. Лучшие образцы отмечаются наградами, и это благодаря энтузиастам, которые время от времени странствуют по национальным селениям, собирая для музеев произведения народного творчества. Неоспоримо, что красота творений человеческих рук имеет великую силу воздействия, помогает в обновлении и очищении людских душ, особенно в пору потрясений и бедствий.

Об этом и многом другом я беседовала с супругами Чиды. Федор Иванович — нивх, Мария Дмитриевна — нанайка, а оба они — давние выпускники Биробиджанского культпросветучилища, закончившие впоследствии образование в вузах других городов. Нам было тем более легко разговаривать, что я и сама родом с Нижнего Амура и даже бывала близ стойбищ, где прошло детство моих биробиджанских земляков.

Отца Федора Ивановича звали Чудун из рода Твабина. Но, как это часто бывало в послереволюционные годы, не очень-то образованный секретарь сельсовета позволил себе упростить нивхскую фамилию, а заодно и имя мальчика, данное ему в честь победы отца над медведем. Так Ховгун из рода Твабина стал Федей Чиды.

Стойбище, а позднее село Кальма, где родился Федор Иванович, находится в семи километрах от знаменитого Тыра, поселка в среднем течении Амура, где прибрежные скалы как бы сжимают могучую реку, дважды в год, в шугу и ледоход, препятствуют навигации. В этих местах бывал Антон Павлович Чехов.

По неведению, великий писатель в своих воспоминаниях применил однажды слово «гиляки» по отношению к нивхам. Он даже не подозревал, что глубоко оскорбил симпатичных ему новых знакомцев, потому что в обиходе «гиляк» — слово пренебрежительное. Аналогично русского назвать кацапом, а еврея — жидом. Вот такой курьез.

Не очень-то веселой была жизнь промысловиков из стойбища Кальма, но они беззаветно любили свой Мангму-Амур, много красивых легенд, героических и печальных сказов, бодрых и унылых песен сложили, мечтая о лучшей доле.

Живописны берега Амура. Мальчик видел, как тайга одевается летом в пышные, зеленые, а осенью — роскошные цветные одежды, любовался дальними сопками цвета спелой голубицы. Любил он бывать на Тырском утесе, где стояла православная церковь, построенная казаками-переселенцами, поблизости бил хрустальный ключ.

Дед Федора по имени Юкргун, один из первых старост поселка, был расстрелян молодчиками из банды Тряпицына: кто-то донес, что он давал лодку «красным»... Отец, «рыбак первой руки», (было и такое звание), от звеньевского выросло председателя колхоза и получил грамоту, подписанную Михаилом Калининым.

Свой улов — лосось и частик — нивхи сдавали на рыбозавод в Тыре, а затем в поселок Орель-Чля, где изготавливали консервы. В те годы дети не забывали родной язык. Федор Иванович постоянно слышал нивхскую речь дома, да и в школе уроки на русском чередовались с уроками на нивхском языке. Он до сих пор с теплотой вспоминает свою первую учительницу Нину Петровну Вершинину, которая равно по-матерински относилась ко всем своим ученикам, будьте дети русских переселенцев или коренных жителей.

Мальчишкой Федя учился управлять берестяной лодкой-оморочкой, стрелять, по следу различать любого зверя. Ни он, ни его сверстники не тянулись в большинстве своем к куреву и

крепким напиткам, мужали не по дням, а по часам, и к пятнадцати годам рослому, широкоплечему Федору можно было дать гораздо больше. Как только грянула Великая Отечественная война, он этим и воспользовался. Федор уже знал, что его старший брат, студент Ленинградского вуза, ушел на фронт добровольцем.

В сорок третьем и Федя с группой друзей попросили направить их в действующую армию. Внушительная внешность добровольца, отличные характеристики из школы и результаты медкомиссии сыграли решающую роль. За Федора Чида ходатайствовал и секретарь крайкома комсомола. Конечно, мальчишку на фронт не отправили, но в армию взяли. И Федя попал на Тихоокеанский подводный флот. Так парень из тайги, надев бескозырку, в неполные шестнадцать лет стал осваивать новую для него стихию — морские глубины.

- Будешь гидроакустиком, — сообщили ему на Русском острове, больше известном тогда как Дальневосточный Кронштадт. Умеешь, мол, определять по следу зверя — научишься различать по звуку тип кораблей и самолетов. В море, как и в тайге, разная «живность» водится. И, действительно, молодой матрос вскоре узнал, что киты-касатки могут издавать звуки, напоминающие работу корабельного винта. Если акустик ошибется, то и торпеду можно зазря выпустить по этой «цели». Словом, акустика — наука сложная. Самолеты, например, вроде бы звучат одинаково. Ан нет, только акустик скажет, какой наверху бомбардировщик: средний или тяжелый...

Как и первую учительницу, Федор Иванович никогда не забудет своих наставников-моряков — двух украинцев, двух Василиев — Татырко и Собко. Какая там дедовщина! В неофициальной обстановке старослужащие обращались к новичку не иначе как «сынок»...

На базе подводных кораблей Малый Улис прошли семь лет его жизни, и только раз за этот срок Федору довелось съездить в отпуск.

До объявления войны Японии, — вспоминает Федор

Иванович, — его субмарина С-254 конвоировала наши торговые суда до бухты Провидения. Федор быстро овладел военной специальностью и безошибочно докладывал командиру, какая «посудина» объявилась у них над головой — сторожевой или торпедный катер, рыболовецкий сейнер или сухогруз. Случалось, возле подлодки кружили и касатки... Освоил он на практике и специальность дальномерщика: в бинокль определял расстояние на море до видимой цели. Однажды на плашкоутах тянули из Америки к нашим берегам паровозы. Курьезный случай, но Федя никогда в жизни не видел паровозов: уезжая на службу, на Хабаровском вокзале он в спешке и темноте их не заметил. А тут пришлось охранять диковинные машины. Сопровождала его подлодка С-254 и караваны со снарядами. Приходилось участвовать в разгрузке. Каждый ящик боеприпасов был достаточно тяжел, его переносили два матроса. Но Федор справлялся один.

В море было тревожно. Почти всегда подводники, даже свободные от вахт, спали одетыми. Случались тревоги, перестрелки. А 8 августа 45-го бригада подводных лодок вышла в море в полном составе, получив боевой приказ. С-254 несла дозор через сутки, держась на расстоянии не менее 120 миль от берега и поддерживая постоянную связь с флагманским кораблем.

Свой единственный за всю службу отпуск Федор Чиде получил в связи с 70-летием И. В. Сталина. На пятьдесят семь дней. Это было в ноябре сорокдевятого года. До Комсомольска добрался по железной дороге. Но на чем ехать дальше? Амур стоит, самолеты летают только военные. Благо, за время службы скопился целый мешок денежного довольствия, которое просто некуда было потратить на подводной лодке. Купил отпускник себе тулуп, валенки, шапку-ушанку, теплое белье. Отзывчивые комсомольчане помогли достать на почте лошадь, и худо-бедно добрался моряк на гужевом транспорте до Мариинского, где посчастливилось встретить радиожурналиста из Николаевска-на-Амуре, с помощью которого уже на военном самолете долетел до

Кальмы, считай, почти до дома. Весь этот путь занял две недели такого, казалось, длинного отпуска...

Кальма. Родной дом. Сначала его растрогала собака Бойко, сразу же узнавшая хозяина. Потом была радость встречи с родителями, младшими сестренками и братишками, которые буквально онемели, когда Федор высыпал из вещмешка на стол свой сухой паек: сухари, сало, американскую колбасу. Малыши и не пробовали такого никогда... Чуть не заплакал суровый моряк.

Далее судьба Федора Ивановича складывалась, как у многих демобилизованных воинов: учеба, женитьба, работа.

В Биробиджанском культурно-просветительском училище, где всегда училось много представителей народов Севера, встретил Федор свою землячку Машу из поселка Диппы. О Марии Дмитриевне, дочери нанайца Джагмана Киле, надо бы писать отдельный очерк. В свое время ее отец окончил институт народов Севера имени Герцена в Ленинграде и оказал немалое влияние на выбор жизненного пути дочери. Мария с детства тянулась к книге, и свое образование завершила в Восточно-Сибирском институте культуры города Улан-Удэ.

В Биробиджане встретились морской офицер-нивах и нанайка-библиотекарь. С Биробиджаном неразрывно оказалась связана и вся дальнейшая судьба супругов Чиде. У Федора Ивановича за плечами, кроме памятной военной службы, долгие годы учебы, диплом о высшем образовании, работа в учреждениях культуры, школах города Биробиджана. Давно выйдя на пенсию, он в последние годы организовал в «сухопутном» Биробиджане школьный клуб юных моряков. Мария Дмитриевна бесценно трудилась в областной научной библиотеке им. Шолом-Алейхема, сохранив в своей памяти ее непростую историю и ее золотых людей. Уже будучи на пенсии, она оставалась востребованным специалистом методического отдела и покинула любимые стены, отдав библиотечному делу почти 55 лет. Может быть, для того, чтобы не праздновать этой немного грустной даты. Встали на ноги и нашли свое дело два сына супругов Чиде, радуют

любопытностью внуки. Город на Бире стал юностью, зрелостью, а теперь уже, кажется, и старостью.

Впрочем, о какой старости может идти речь, если Федора Ивановича весьма редко удастся застать дома — его до сих пор в любое время года увлекают охота, рыбалка, работа на даче. Чаще всего он проводит время на природе со своим приятелем и земляком Георгием Павловичем Теплоуховым. Оба они считают, что Биробиджан — это сохранившийся уголок СССР, где существует истинная дружба народов,

Кто-то из мудрых сказал: «Счастье не в том, чем мы живем, а в том, что мы вспоминаем». Воспоминания наших героев способствуют душевному покою, и не только их собственному. Каждому бы из нас иметь такую радость.

Содержание

Злато-серебро.....	3
Ветвь георгина.....	7
Франт.....	8
Дальние голоса.....	9

ПЕРЕВОДЫ С ИДИША

Мы первые (Исаак Бронфман).....	11
Мой сад (Люба Вассерман).....	12
Улица Шолом-Алейхема.....	13
Когда небо и чисто и ясно.....	15
Гнилкэлэх	16
Дворовая команда (Бузи Миллер).....	21
Дерево.....	22
Раздумье (Макс Риант).....	23
Памяти Бузи Миллера (Дора Хайкина).....	25
Саженьцы (Исраэль Эмиот).....	27
Дон кихот по имени Володя.....	29
Голубая мечта Бетцалела.....	33
Из пекла боя – в бальзам поэзии.....	38
Это теплое имя — Люба..	43
С одного бережка на другой.....	48
Биробиджан мне снится по ночам.....	53
Две нивы пахаря Романа.....	58
И вечное преодоление.....	61
Из Израиля с любовью.....	66
Все покоряется силе стихов.....	67

И ВСТРЕТИЛИСЬ МЫ НА ВОСТОКЕ

Ко дню рождения Риммы Казаковой.....	71
--------------------------------------	----

65 ЛЕТ В ИСТОРИИ

Голос города - баритон.....	73
Ховгун — сын Чидана.....	77

УДК 355.231.1(571.63-21)(091)

ББК 68.49(2 Рос)

Автор: Нина Филипкина
Ф53

«Стихи Переводы Очерки»

ББК 68.49(2 Рос)

ISBN 978-5-906803-12-2

© ООО «ЗАДИРА-ПЛЮС» Россия, 410052 г.Саратов,
пр-т 50 лет Октября, д.109
Тел.: (8452) 35-36-60, 35-38-11

Отпечатано на полиграфическом предприятии
ООО «Задира плюс»

Сдано в набор 03.03 2016г. Подписано к печати 05.03 2016г.
Бумага офсетная. Формат 60х84_{1/4}. Печать офсетная.
Гарнитура TimesNR. Усл. печ. л. 11,2. Тираж 1000 экз. Заказ № 1.

*Она много и хорошо писала о людях,
оставивших свой заметный след в
истории области. И сама стала частью
этой истории.*

Ирина Манойленко

**г. Саратов
2016г.**

ISBN 978-5-906803-12-2

9 785906 803122

